

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

НЕВЕСТА ДЛ
ВАРВАРА

Сергей Алексеев
Невеста для варвара

«Алексеев Сергей»

2008

Алексеев С. Т.

Невеста для варвара / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2008

Зимой 1725 года Яков Брюс явился в Двинский острог с особым поручением государя Петра: освободить из заточения югагира по имени Тренка. И не просто освободить – всячески ему способствовать в исполнении миссии, с которой он прибыл из своих земель на Индигирке-реке семь лет назад, а также добыть календарь, вещую книгу племени югагиров – по ней, как сделалось известно императору, сибирские варвары читают будущее. Просвещенный шотландец Брюс, хоть и слыл чернокнижником, а в чудеса и пророчества не верил, пока не услышал от Тренки о неожиданной смерти Петра и не убедился в том, что на троне уже императрица Екатерина. Исполняя волю покойного государя, Брюс и любимец Петра капитан Иван Головин помогают Тренке найти невесту для югагирского князя – Варвару Тюфякину. Остается только обменять ее на вещую книгу, но Иван уже влюбился в Варвару, и ему кажется, что она отвечает взаимностью...

© Алексеев С. Т., 2008

© Алексеев Сергей, 2008

Содержание

1	5
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Алексеев

Невеста для варвара

1

Узника привели в пыточную избу на двух цепных растяжках, как обыкновенно водят диких зверей. Однако стоял он смиренно и даже как-то расслабленно, обнимая тяжелую дубовую чурку, прикованную к ножным кандалам. А голову держал высоко из-за широких шейных оков, подпирающих взлохмаченную долгую сивую бороду, и даже при свете тусклой свечи было видно, что белесые глаза его незрячи. Росту он был под сажень и лет лишь немногим за сорок, но сутул от тяжести цепей и под рваной рубахой проглядывали старческие мощи. Граф никогда не видел югагиров и теперь дивился, разглядывая его, ибо по обычному представлению все сибирские ясачные народы, будь то тунгусы, саха или чукчи, впрочем, как и другие из восточной стороны, японцы и китайцы, должны быть желтолицы, скуласты и раскосы. Среди прочих редкостей, им собранных за многолетнее пристрастие к вещам курьезным, были и диковинки с далекой реки Лены, привезенные в дар тамошним воеводой, – бубен, колокольца, фигурки из моржовой и мамонтовой кости, а еще засушенная голова якутского старика-шамана, которая будто бы использовалась для тайных магических ритуалов.

Этот же югагир ничем не походил на сибирского туземца, а был вполне европейского вида, более напоминал шведа, разве что волос, побитый проседью, угольно черен. Называл он себя чувонцем, человеком из племени Юга-Гир по имени Тренка.

– Снимите с него железа, – велел граф.

Стражники из инвалидной команды крепости переглянулись и слегка натянули цепи. Одноногий, на деревяшке, комендант острога зачем-то стянул треуголку и старомодно поклонился:

– Буен, ваше высокопревосходительство. И зело дерзок. Без цепей убечь может или великий урон нанести. Посему государем велено держать, яко лютого зверя.

– А на каком языке он говорит?

– Да на своем, чувонском.

– Незнаемый язык...

– Весьма на наш похож, токмо старый. Однако же гордец, уверяет, де-мол, наша речь и есть чувонская и мы все тоже чувонцы!

– Веры какой?

– Да тоже нашей, православной, – блеснул знаниями комендант. – Токмо старого обряда. Югагиров-то еще до раскола окрестили, а нового они не приемлют и крепко на том стоят. Токмо молятся редко, и все тайно, чтоб никто не позрел.

Брюс приблизился к узнику, хотел поймать непослушный взгляд – не удалось... Палач в Двинском остроге из татар был и пытал его по-своему, как у них в старину ханов-отступников пытали: очи спалил кипящим молоком, отчего зеницы растворились и побелели, словно у рыбы вареной.

– Я приехал по воле государя Петра Алексеевича, – отчетливо произнес Брюс, – дабы избавить тебя от наказания и поспособствовать исполнению дела, с коим ты прибыл из сибирских глубин.

Глаза Тренки остановились, привлеченные голосом, и спина несколько распрямилась. Он поставил чурку на пол и уселся на нее с видом гордым и степенным.

– Ты кто таков? – спросил хрипло. – Назови свое имя.

Говорил он немного нараспев, как поморы говорят, но акал по-московски.

– Яков Вилимов Брюс, генерал-фельдцейхмейстер.

– Из немецкого племени?

– Из шотландского...

– Все одно... Ты лжешь, немец, – твердо сказал узник. – У царя и при жизни не было воли способствовать. А по смерти нас и вовсе притеснять станут всячески. И не скоро предадут забвению.

Невозмутимый во все времена, Брюс тут вздрогнул и слегка отпрянул:

– По чьей... смерти?

– Петра, коего ты величаешь «государь». Теперь на престоле-то иноземная женка его, гуляющая. На что мы ей? Ой, врешь ты, человек немецкого племени, да не смекну, какова тебе выгода?

– Помилуй, да ведь император здравствует!

– Живого бы в ледник-то не положили. А он седьмой день там, ростепель в Питербурхе. Не отпетый еще, поелику некогда, молва по стольному граду, шум. Вчера токмо женка его распутная своего добилась, так, может, ныне отпоют. Да земля его покуда не принимает. Лишь на сороковой день сподобится. И хоронить некому, наследство делят и тебя ждут. Ты и отправь его в последний путь.

Комендант вытаращил глаза, мелко закрестился:

– Свят-свят... Должно быть, истинно...

– Что истинно? – вдруг взъярился Брюс. – Двенадцать дней тому я из Питербурга выезжал! И Петр Алексеевич жив был, разве на хворь жаловался...

– Дак вскорости и преставился. – Тренка побренчал ручными кандалами. – Потому и не верю, чтоб в канун кончины своей о нашем благе хлопотал и тебя прислал. Прежде дары у нас отнял, в крепость меня с товарищами заключил, пытал и ослепил. Да семь годов продержал на цепи, в сих железах! У него и имя для нас было мерзкое – суть варвары ясашные, дикие люди туземные.

Болтливый, скоморошьего вида комендант склонился к уху Брюса, прикрытому пышным белым париком:

– Ваше высокопревосходительство! Коль сей человек Тренка говорит, знать правда. Он зря не скажет... Вести к нам приходят с великим опозданием. Мы ведь из-за этого осрамылись, в азовский поход не успели. Зато со шведами уж вволю натешились, поелику на год раньше пришли...

И показал свою деревянную ногу.

По случаю приезда генерал-фельдцейхмейстера этот инвалид обрядился в какой-то нелепый, явно женою сшитый камзол, несмотря на мороз, лосины еще натянул. Лишнюю же штанину, что на культе, не спрятал, а будто нарочно выставил из деревяшки, и она теперь задубела на холоде, торчала, будто слоновий хобот: должно быть, комендант шевелил остатком ноги, а штанина ходила по сторонам, как живая, и казалось, воздух нюхала...

Граф его уже тихо ненавидел, поэтому спросил сквозь зубы:

– Откуда же ему знать, сидя в темнице?

– Грех на душу возьму, а скажу, ваше высокопревосходительство, – зашептал тот. – Провидец сей Тренка! Ей-бо!.. Он все кричал под пытками: «Зрю! Зрю!» Палач по велению государя императора и лишил его глаз...

– Неужто на царя перед смертью просветление нашло? – будто бы сам себя вдруг спросил югагир. – И разум пробудился?.. Ответь-ка мне, немец, кроме веления исполнить дело мое, каково еще поручение от царя имеешь?

– Расспросить, как живут югагиры, да предания их записать, – осторожно вымолвил граф. – Из интересу научного...

– Да не скрывай ничего, – подтолкнул его Тренка. – Ведомо мне, добыть календарь, вещую книгу, коей владеет наше племя. Одно токмо скажи: он требовал добыть, яко цари требуют, или просил, яко страждущий?

Яков Вилимович ощутил волну неприятного озноба, окатившую все нутро и теперь готовую выплеснуться наружу.

– Требовал, – непроизвольно признался он.

– Ох, люди, люди, – вздохнул тяжело югагир. – Не ведают рока своего, а имеют дерзость требовать. Что холопы, что цари – все едино слепы. Не стал бы держать меня в юзилище, а послушался бы да помиловал сына своего и позволил бы взять невесту для князя нашего да отпустил с миром – еще бы двенадцать годов прожил! Прославился бы в веках и царство б оставил великим и могучим. А ныне что? Некому даже наследство принять, ибо истинного наследника руками своими сгубил. Теперь взойдет на престол его женка гулящая и станет блуд творить великий. И погрязнут в разврате все ее присные.

Брюса непроизвольно передернуло от слов его, и, справляясь с оцепенением, он спросил:

– Женка его гулящая... Марта Скавронская? Екатерина?

– Имя ее неведомо, поелику без роду она и племени.

– Что он ни скажет, все сбывается, – испуганным шепотом сообщил комендант. – Ты уж не гневи его, ваше высокопревосходительство! Он слепой, а зрит!

– А вот сейчас и испытаем! – Граф встряхнулся, дабы не поддаваться чувствам. – Пошлика, любезный, гонца в Архангельск. Пусть передаст царский указ: товарищей его на волю отпустить. А заодно разузнает, что в Петербурге ныне. Да исподтишка, чтобы не распускать худой молвы. С молодца сего сбейте цепи и пришлите в заезжую, я беседовать с ним стану. Здесь у вас не топлено, знобко мне...

– Ножные бы оставить надобно, уйдет, – зашептал комендант. – Он ведь и с потаской много раз уходил. Да еще и на Архангельский городок напал, чтоб товарищей своих вызволить. Один супротив всего гарнизону стоял. Криком пугал! Последних лета три токмо кричать перестал – горло надсадил, должно быть. А прежде оглоблю возьмет да и идет на приступ! От его крику оторопь брала, ваше высокопревосходительство!..

От испуганного шепота коменданта графа уже бесило, да удерживало природное хладнокровие, иначе бы и сам крикнул на инвалида так, что оторопь взяла.

– Государь волю даровал, – уже на ходу проговорил Брюс, – велел препятствий не чинить... И в добрые одежды его нарядите.

– А тряпицу ему вернуть?

– Какую еще тряпицу?

– Да у югагира отняли, на теле прятал. Будто индийского шелка ткань, а не горит в огне. А разорвать и вовсе невозможно. Говорит, се покров для невесты, с Индигирки принес, от князя своего. Зело дорожит он тряпицей...

– Непременно верните!

В заезжей избе, вымытой и прибранной по случаю приезда высокого гостя, было жарко, стол ломился от всяческой снеди, приготовленной по-крестьянски, без изысков, но щедро: треска во всех жарено-варено-запеченных видах, муксунья уха с хреном, пареная семга в сметане и даже ворох сушика – мелкой сушеной рыбешки, которую поморы едят вместо семечек. В иной раз, с долгой дороги Яков Вилимович навалился бы на угощение и тут же бы и поспал на широкой лавке, не отходя от стола, но откровения узника о смерти государя императора, а более – об императрице, якобы взошедшей на престол, перевернули все привычки и обычаи. Он отмахивался, говорил себе: полно, вздор несет истомленный заточением индигирский югагир, но еще более наполнялся тревогой и беспокойством.

А тут женка коменданта, весьма похожая на мужа своего, но о двух ногах, приставленная в заезжую вместо прислуги, с надоедливym гостеприимством и дурными манерами принялась угощать.

– Отведайте ушицы, господин граф, – запела она. – А прежде вот медку хмельного чарочку. Сами затворяем! Или вина белого, казенного, с устатку. Ой, да что это с тобой, прямь лица нет! Не захворал ли?

Брюс шубу снял, ибо прошибло в пот – так натопили избу, – а потом снова надел, почувствовав озноб от своих скачущих дум.

Если югагиру не поблазнилось и Екатерина воцарилась, это ведь хоть назад не возвращайся. Он был всегда против этой шальной трофейной девицы, прошедшей через много рук и оказавшейся в наложницах у Петра Алексеевича. И ладно бы, потешился, помиловался, дал бы денег да отправил назад, в свою Лифляндию, так нет ведь – женился! Чего уж в ней было такого, что просвещенный, ученый государь присох к неграмотной девке, словно рыба чешуя, никого не послушал и все-таки обвенчался, против своих же собственных законов возвел в императрицы, короновал! И сам, ровно зверь, лег рядом, охранять распутную, будто уследишь, если ей согрешить вздумается. В дикость великую впал, разум утратил, Монса с нею застиг и, словно варвар, голову ему отрубил и насадил на кол, дабы назидание сотворить...

И если теперь так же беззаконно, по сути безродная, Марта Скавронская сядет на трон, все деяния Петра прахом пойдут...

Так думал Яков Вилимович, а сам то метался по избе, испытывая отвращение к пище и вину, то сидел на лавке, завернувшись в шубу и захлебываясь слюной от запахов весьма приятных, источаемых накрытым столом.

А хозяйка еще и подзадоривала:

– Скушайте, господин граф! Не зря ведь стряпала-то все утро. Не побрезгуйте. Пища простая, да сытная, а медок хмельной, сладкий. Голову-ти вскружит, и отойдет печаль. Приехал-то вроде веселый, ладный, а ныне будто подменили тебя, батюшка. Или худое известие получил?.. Испей-ка чарку, так и легче станет!

Брюс вышел на мороз, а краткий генварский день уж истлел и сумерки напозают, словно синий дым. Где-то на реке санные полозья скрипят, деревья потрескивают и в кузне молоток по наковаленке стучит – верно, заклепки с оков срубают. Поостыл граф немного на холоде, унял смутные мысли: что тут судить да рядить? Приедет гонец из Архангельска, тогда и быть решению...

Хотел уж вернуться в избу, да почуял, кто-то смотрит из темноты, жжет взором, будто напасть хочет и только момента ждет, когда он спиной оборотится. А шпагу за ненадобностью Яков Вилимович снял и на лавке оставил...

– Эй, кто там? – грозно спросил он. – Выходи!

Тут из-за угла заезжей прежде показались длинные тени, а затем явились несколько отроков, верно, дети стражников инвалидной команды. В руках деревянные мечи, сабли; встали и смотрят, разглядывают гостя. Яков Вилимович своих ребят не имел, по этой причине испытывал застаревшую тоску и желание учить, наставлять чужих. А эти отроки еще и неробкими были, один подошел совсем близко, осмотрел с любопытством и спрашивает:

– А ты правда царь?

– Старшим по возрасту и званию следует говорить вы, – назидательно сказал граф. – И выражать тем самым уважение.

Отрок ничуть не смутился:

– Мы сему за ненадобностью не учены. Ты лучше скажи, царь ты или нет? Меж нами тут спор вышел.

– Ваш государь император – Петр Алексеевич. А я его слуга.

Дети переглянулись.

– Слуга, оказывается... Ну, слуг-то мы довольно позрели. На царя бы вот хоть разок взглянуть!

Тем часом из сумерек выступил ковыляющий на деревяшке комендант, замахнулся на откroков:

– Прочь отсюда! – И в тот час к Брюсу: – Ваше высокопревосходительство! Государь-то наш, Петр Алексеич!..

– Что? – выдохнул тот.

– Посыльной вернулся, рассказывает, впрямь помер! В Архангельском который день колокола бьют, молебны за упокой... А в другой церкви уже и заздравную поют, Екатерину государыней величают.

– Екатерину?!

– Ну да! У нас-то ни того, ни другого не слышно! Должно, от ветра. Тут-ка всегда так: кругом беда случается, война или мор, а здесь как в раю, все мимо пронесет морским нордом. Здесь ведь, ваше высокопревосходительство, бабы умудряются по два раза в год рожать! А ведаешь ли, от чего?.. Тут один странник к нам заходил, юродивый. Сказывал, благодатное место, а называется оно – Беловодье. У нас и впрямь в речках воды белые-белые!..

Ни слова не говоря, Брюс зашел в избу, хватил чарку водки и упал на лавку. Комендант остался у порога, пристукивая деревянной ногой по полу, словно конь копытом.

– Позови ко мне югагира, – велел граф.

– Тренку сейчас в баньке парят, – сообщил инвалид. – По вашему велению. А как напарят да намоют, в тот час и приведут.

– Я не велел парить! – вскричал граф. – Немедля доставьте!

На коменданта и гнев не действовал.

– Дак велели наряжить, – невозмутимо стал разглагольствовать он. – А как же наряжать, ежели он семь годов в бане не был? И умывался дождиком или снежком. Тут-ка недели не попаришься, и уже часотка по телу...

Генерал-фельдцейхмейстер даже не нашел, что ему ответить, лишь с тоскою подумал, что должного порядка в сей стране никогда не будет и зря Петр Алексеевич силы и теперь вот саму жизнь положил, дабы вывести свой народ из темноты диких нравов. В столице еще кое-как блюдут европейское приличие, а в купеческой Москве разве что вид делают. Про окраины же, особенно северные, полунощные, и говорить нечего – живут по старинке и тем еще и гордятся! А ведь в этом сокрыто неповиновение государевой воле, даже глумление над новыми обычаями. Вот этот комендант острога не по глупости эдак вырядился, а с умыслом, дабы посмеяться над одеждами европейскими, и в речах его лишь потеха слышится, когда ему скорбеть полагается в связи с кончиной государя. И что с ним поделаешь? Как с гуся вода...

Сколько раз говорил Петру Алексеевичу: след положить конец своеволию земель полунощных, приписать их к заводам, в крепость отдать дворянам, чтоб обучились культуре при господах, однако чего-то опасался государь и накладывал повинность легкую – плотницкую и обозную. В долгой войне со шведами требовалось множество бурлаков и сволочей, дабы припасы на барках подвозить и волоки обслуживать, так он тут поморов местных не тронул, а велел тверских мужиков пригнать, ижорцев и лопарей. И еще сказал, де-мол, нельзя сих поморских людей в лямку впрягать, и своего к ним благоволения никак не объяснил.

Брюс в этих краях дальних прежде не бывал и с нравами диковатыми незнаком был. И не узнал бы их, поди, никогда, но Петр Алексеевич захворал от простуды, позвал к себе и говорит:

– Будет тебе поручение, Яков Вилимович, важности государственной. В сей же час собирайся и поезжай в Двинский острог. Сидит там тайный затворник, индигирский югагир по имени Тренка. Сей предсказатель пришел к нам семь лет тому...

Ни о каком тайном затворнике югагире, посаженном в крепость, Брюс до сей поры из государевых уст никогда не слышал и сейчас тому немало подивился. Обыкновенно Петр Алек-

сеевич в подобных случаях вещи диковинные непременно показывал, а ежели дело касалось и вовсе явлений тайных и магических, то советовался.

Иное дело, поступал по воле своей...

– Отчего же я о сем не знаю? – изумился граф.

Верно, от недомогания, государь вдруг рассердился:

– Есть тайны, кои дозволено знать лишь царям. И никому более, тем паче иноземцам...

Брюс сам был шотландского королевского рода, и хоть состоял на русской службе и тайных не ведал, однако же о их существовании слышал и потому ничуть не обиделся.

– Кесарю – кесарево, – мудро заметил он. – И что же сделать с сим затворником?

– Скажи, он милостью моей от наказания избавлен, – заявил Петр Алексеевич. – Вкупе со своими товарищами. Войди к нему в доверие и допытаться исподволь, зачем он явился. Ежели только за невестой для своего князька, найди невесту, какую надобно, сам высватай и отправь с миром на реку Индигирку. А сороковину чернобурых лисиц, что я у них отнял, в казне возьми.

– А ежели есть иная цель? – однако же спросил граф. – Кроме означенной?

Обложенный грелками, государь потел, и волосы слиплись в сосульки.

– Потому и посылаю тебя. Ты мастер дел магических, астральных... Югагир сей хоть видом не шаман, однако же силу имеет магическую и даже предсказывает судьбу. Будто бы все наперед знает, де-мол, есть у индигирских туземцев некий календарь, по коему известно будущее на много лет. Ты ведь тоже свой календарь сочинил...

– Быть не может! – воскликнул Брюс. – Я изучил все календари и свел во единый самые верные!

– Да в эти сказки и я не особо-то верил, – согласился Петр. – Хотя чудес в нашей земле довольно... Но пытали сего Тренку, и на дыбе признался он, де-мол, есть у них вещая книга. И еще много хулы на наше имя возвел, кричал, умру я тяжко, подобно псу. Дескать, чтоб знал: он, чувонец сей, сглазил меня и порчу навел. За сие его и ослепили... Да в сглаз и порчу не верю я, граф. Мнится мне, замышляется здесь коварство против семьи нашей царствующей. И исходит оно от князька племени, к коему югагир принадлежит. Князек тот прислал дядьку своего ко мне невесту якобы высватать... Так вот что скажу тебе, Яков. Попытай его ласковым да добрым словом, как ты умеешь, и, коли заподозришь хитрость, пришлешь отписку с нарочным. И, моего ответа не дожидаясь, сделай все, как пожелает югагир, но вкупе с невестой пошли своих людей. Да не холопов, а людей бывалых, офицерского звания. Во главе поставь Ивашку Головина.

– Молод еще Ивашка для столь важных поручений, – ревниво воспротивился Брюс. – Да и нравом заборист, чтоб справлять дела тонкие и шепетильные, где терпение требуется.

– Знаю я твою неприязнь, – отмахнулся государь. – И добро, что молод, – разум, сила и сноровка есть. Никогда не забуду, как он камень в Петербург под парусами пригнал... Ко всему прочему, прадед его когда-то служил якутским воеводой, коего и доньне там помнят. Ивашку пошлешь! А Тренке этому скажи, де-мол, цареву посольство, для сопровождения невесты, согласно обычаю. Пусть Ивашка разузнает, что да как, и помыслы князька выведает. Ибо сей туземец называется князем народа Юга-Гир, который известен нам как чувонцы, и имеет дерзость причислять себя к древнему царственному роду.

– Да будет тебе, Петр Алексеевич! – засмеялся Брюс, тем самым думая развеять тревожные мысли государя. – Чем опасен безвестный вождь сибирских варваров? Тебе ли, властелину десяти морей, хлопотать о сем?

– Не утешай меня, Яков, – однако же хмуро вымолвил император. – Сейчас вот лежу и думаю – кому все отдать, когда час придет? Внуку Петру? Так мал еще, болезненный и вялый, куда годится?.. Елизавете или Анне? Вот уж позор мне будет, коли на свое место девицу какую посажу. А ежели императрицу, народ не примет... Так и так смуты не избежать, Яков. Когда же в России смута, всегда есть кому престола поискать. Чую, не зря князек сей посольство в

Петербург снарядил. Как раз в год, когда Алексея казнить было след. Послание мне прислал, советовал помиловать, а потом грозился... И вот теперь мыслю я: а ежели суц календарь югагирский? И узрели они, что грядет?..

Графу показалось, в горячке государь, коль такие страстные слова говорит, однако тот сбросил грелки, утерся полотенцем и сел.

– Как встану, сам о сем деле похлопочу, – вдруг решил он. – Сам поеду в Двинский острог...

– Твое поручение исполню, Петр Алексеевич! – клятвенно заверил Брюс. – Как ты пожелаешь, так и сделаю, не сомневайся.

– Нет моего доверия к тебе, Яков...

– Отчего же, государь? Вот мое слово: поеду и все устрою, как ты велел! А ежели потребуется, сам с югагиром отправлюсь на реку Индигирку.

Петр вдруг взглянул на него пронзительно и страшно – так он смотрел на приговоренных к смерти:

– Ты ведь слушаешь меня, а себе думаешь: се бред, горячка. Признайся, так или нет?

Брюс знал, в подобные минуты на императора снисходит дар прозренческий, когда он видит всякую, даже самую искусную ложь.

– Помилуй, Петр Алексеевич, так и думал, – признался граф. – Но оттого, что в чудеса не верю. Я суть реалист и более привержен математическому расчету и знаниям естественным. Откуда быть столь чудному календарю у варваров, ежели они живут дико, подобно зверям? Их потребности в знаниях сводятся всего лишь к выживанию в суровых и мрачных землях.

– Мыслишь ты, Яков, как шотландец, – подобрел государь. – И меня к тому же склонил еще тогда, на Сухаревой башне... А в нашей земле чудес довольно. Вот растолкуй мне, как сей дикий югагир Тренка прознал, сколько лет быть войне со шведами? День и час назвал, когда ты с Остерманом мир попытаешься заключить. Когда король Карл умрет... Много чего предсказал, что сбылось впоследствии... И предрек день и час смерти моей. Теперь прелюбопытно: угадал сей чувонец или нет?

Граф присмирел, испытывая неприятный озноб, исходящий от государевой речи, а тот испил из ковша травяного настоя, утерся рукавом.

– И попекись изрядно, чтоб о поручении моем никто не изведal. Спрашивать станут – отвечай, по промышленным делам отослал Головина на Индигирку.

– Исполню, Петр Алексеевич!

– Вещую книгу, календарь югагирский, нам добудь! – велел строго и трезво император. – Какими хочешь хитростями! Выкради, купи или обменяй. Головину скажи: награда его ждет, что ни пожелает, все исполню. Вот тебе грамота, указ наш. Освободить югагиров от взимания ясака на вечные времена и перевести оных в разряд людей российских. Они за такой указ и князька своего отдадут, ибо гордые, считают себя умнее иных народов и ясак для них унизи-телен зело...

– Ежели все это вымыслы досужие и нет у них календаря?

Петр сорвал с головы полотенце с примочкой и снова осерчал:

– А ежели нет его, сам придумай и составь, коли такой ученый!

– Добро, государь. – Согласно этикету, Брюс склонил голову и махнул треуголкой. – В сей же час выеду в Двинский...

– погоди! Ты еще не выслушал. Ежели наши подозрения оправдаются и князек сей замышляет еще что-то, кроме женитьбы... Надобно сбить спесь с сего племени и гордыни поубавить. Ты Ивашке так накажи: ежели югагиры дурного не замышляют, пускай за невесту книгу вещую возьмет и уходит восвояси. Но ежели смуту чинят, то сверх того указ мой князю велю подать.

– Югагиры от сего еще более возгордятся! Скажут: боится нас государь.

– Эх, Яшка, шотландская твоя душа, – грустно вымолвил император. – Не ведомо тебе, как следует с туземными народцами обходиться...

– Варварские они народцы, Петр Алексеевич, – обиделся граф. – Когда на зло добром отвечают, сие за слабость принимается.

Государь рукой махнул:

– Ладно, не стану тебя учить. Ивашке дословно передай веление наше, а он уж догадается... И еще скажи, пусть сам югагиров не воюет и не обижает никоим образом, когда промеж них и прочих туземцев распря вспыхнет. А она непременно учинится... Пускай Головин, купцом оборотясь, торговлю откроет. Пороху и свинцу тем и другим даст поболее, чтоб месяца на три хватило. И на водку вели ему не скупиться. Они прежде хмельные довольно схватывались между собой и еще помнят обиды. Как пустят крови друг другу изрядно, так чтоб перестал давать ружейный и иной припас. Они из луков стрелять разучились и скоро с покаянием прибегут. А нет, так пусть воевода казаков на усмирение отрядит. Завершится распря, ясачный сбор след увеличить. Князька же самого пускай не убивают, а пленят и доставят мне. Я его в стеклянную посудинку засажу и в кунсткамере выставлю.

Этими словами он развеял остатки сомнений Брюса: император не бредил, не поддавался простудной лихорадке, а имел ясный ум и государев рассудок. Не было и намека, что часы его сочтены, что после срочного отъезда графа Петр и суток не проживет, скончается в страшных, до скрежета зубного, муках в день, предсказанный двинским затворником...

И теперь, воочию позрев на югагира, а более получив подтверждение его предсказаниям, Яков Вилимович был ошеломлен. Он хоть и спорил еще с собою, однако уже склонялся к мысли, что некий варварский календарь и впрямь существует. А в нем расписано все, что случится, на множество лет вперед, иными словами, явлено будущее, познать которое Брюс всю жизнь стремился, отчего и обрел славу колдуна и волховника. Испытывая смятение, он не знал, как вести беседу и кем предстать перед Тренкой – генерал-фельдцейхмейстером ли и ученым, а может, и учеником, дабы заполучить календарь или хотя бы выведать замыслы князя варваров.

И если ныне уже нет Петра Алексеевича, а на престоле безродная неграмотная кухарка Меншикова, надо ли исполнять волю усопшего государя и добывать ему календарь? На что ему сия безделица в леднике, а тем паче в мире ином?

В этом мире она нужнее...

С такими смутными чувствами граф и встретил индигирского посланника, поводырем у коего был сам хромой комендант. Отпаренный и отмытый от мерзости заточника, расчесанный, принаряженный в старомодный и запрещенный к носке, дорогого сукна зеленый кафтан, побитый молью и явно вынутый из комендантова сундука, югагир помолодел и просветлился. Только незрячие, бельмастые глаза его по-прежнему блуждали, не способные за что-либо зацепиться взглядом.

– С легким паром, – дружелюбно проговорил Яков Вилимович.

– Благодарствую. – «Взор» его точно остановился на Брюсе.

Комендант усадил посланника на лавку, сам поднес чарку с медом.

– Вкуси, страдалец, – сказал с чувством, выказывая тем самым обыкновенное к нему отношение. – Не держи зла и обиды. Коли худо делал тебе, не по своей воле. И палача не я назначал – предписание было...

– Ступай, – велел ему граф. – Надо будет, позову.

Прихватив свою жену, комендант удалился, а югагир пригубил хмельного меда, блаженно вытер усы.

– Сомнения тебя терзают, – неожиданно заключил он, – надо ли исполнять предсмертную волю царя, коли мы в забвении ныне... Гляди сам, немец, теперь ты волен решать, чему быть

должно. Первый шаг уже сделал, избавил меня с товарищами от цепей. Пожелаешь идти далее – ступай, а нет, так не обижусь.

– Мне государь сказал, ты пришел, дабы невесту высватать. – Брюс несколько обвыкся и стал уже смиряться со своим положением ученика. – За своего князя. Ты ведь дядькой ему доводишься?

– Дядей родным, а он суть племянник.

– Сам-то женат?

– Не можно мне жениться...

– Отчего же?

– По зарок. Покуда племянника не оженю.

– А как имя ему?

– Оскол Распута.

– Не слыхивал... Что же прозвище эдакое срамное – Распута?

– Сие не прозвище, а род княжеский, – с достоинством произнес Тренка. – И древностью своей восходит к временам, когда наши пути разошлись. Прежде мы едины были и жили, ведая грядущее.

Брюс головой потряс:

– С кем едины были?

– Да с сарами!

Граф и о сарах ничего не слыхал, однако же уточнять не стал, кто такие.

– И что же вышло?

– Князь Юга Гир рассорился с прочими сарскими князьями на вече, – словно о деле вчерашнем продолжил югагир. – Ибо захотели они жить, не добывая время, траве уподобившись. Пасты свои стада, пищу вкушать и предаваться утехам, забыв, что было в прошлом, и не думая, что сотворится в будущем. И замыслили Колодар нарушить, дабы наступило благодное безвременье. А Юга Гир не пожелал отречься ни от прошедших времен, ни от грядущих, оставил свои земли и повел племя встреч солнцу. Распутился с другими, вот его с той поры и огласили Распутый. А поелику мы чтили пророчицу Чуву, то назвали нас чувонцами. Сары же ушли в сторону заката, в полуденные страны подались и стали прозываться Русь. Да про нас скоро и забыли.

– Весьма любопытно! – заметил граф. – Отчего же я никогда не слыхал сего старинного предания?

– Оттого что немец, – вызывающе отрезал югагир. – Князьям же и царям известно, кто мы и откуда пошли. Хоть и мыслят предать забвению, ан нет! А у кого из них память коротка, так мы напоминаем. Вот я и пришел с товарищами к царю Петру, дабы не забывал про нас.

Брюс почувствовал его неудовольствие и решил сгладить тон беседы.

– Добро, Тренка. А не раздумал ли жениться ваш князь? А то, может, не дождавшись, женился?

– Если не приведу невесту, быть Осколу вечно холостым. Допустить сего не можно, ибо прервется род и мы осиротеем.

– Как же так случилось, что твоему властителю и пара не нашлась? Что же у вас, девиц на выданье нет?

Югагир и в самом деле подобрел и даже опечалился:

– Девы-то есть, но те, что пригодны, близки по крови. Невеста быть должна не простолюдинка, а старого княжеского рода.

– Непременно княжеского? Нелегкая сия задача...

– Да будет тебе, немец!.. Должно, тебе не ведомо: на Руси пальцем ткни, так в княжеский род старинный попадешь. Иное дело, в родах сих прошлое забвению предано, поелику сущи без времени яко трава покошенная. А минувшее след не в скирды складывать, но в клуб сматывать,

дабы единой нить была, яко у искусной пряжи. И не скоту стравливать, под ноги бросая, а ткать грядущее. Нам будет добро и из рода, который не в почете ныне, а то и вовсе в опале и забыт. Только вот дары не воздадим – отняли у нас лисиц чернобурых в царскую казну. Но позже непременно добудем и с нарочным пошлем, еще богаче.

– Государь вернул сороковину чернобурок.

– Неужто вернул?

– Они ныне в моем распоряжении.

– А моль не посекала?

– В государевых кладовых лисицы сохранялись, где моль не водится.

– Моль всюду водится, – вздохнул Тренка. – Ну да и так добро. Знать, и впрямь благоволил царь и вздумал поспособствовать...

– А отчего ваш князь Оскол за невестой в Россию послал? – осторожно спросил Брюс. – На свете много именитых родов и у иных народов.

– По обычаю и року, – вновь туманно ответил Тренка. – Сары хоть и стали в безвременье жить, да ведь царям-то время потребно. Вот мы добываем его и носим, когда оно расточается. Взамен же невест берем на Руси. И прежние цари нам не отказывали. В последний раз царь Иван не поспешил и своей племянницей пожертвовал, поелику в дар получил лисиц чернобурых пять сороков.

Яков Вилимович послушал сию чудную речь чувонца и подумал в тот момент, де-мол, не зря государь подозревал неладное в посольстве югагиров. И хотя прямой опасности престолу нет, однако же скрытая имеется, и таится она, должно быть, в родословной индигирского варвара...

Подумал так, но спросил об ином:

– Как же вы узнаете, что и кому предназначено судьбой?

– По вещей книге читаем...

– Что за книга такая?

– По-нашему Колодар называется, – просто сказал Тренка. – А по-вашему – календарь, который царь требовал добыть, не ведая того, что не понадобится ему более сия книга. Он ныне иную читает...

– Ну что же, добро. Твои предсказания сбылись, на престоле императрица, – подытожил Брюс. – А стало быть, не только ваше, но и наше племя сподвижников Петра ждет забвение. Не знаю теперь, как и помочь тебе, поелику с кончиной государя и полномочия мои окончатся могут в любой час. Невесту сыскать-то сыщем, нелегко будет получить дозволение государыни на сие деяние. Старые княжеские роды, даже и опальные, у ее величества на счету и под зорким оком. Сам с челобитной явишься к императрице, а тебя снова в железа да в темницу.

И почудилось тут, слепой югагир прозрел, ибо глянул бельмами своими пронзительно и в глаза Брюсу.

– Зрю, куда ты клонишь... Прежде давали нам невест без всяческих условий. А мы не мзду – дары подносили, по пять сороков чернобурок царю да по сороку родителям невесты. Ныне же немцев на Русь прибыло довольно, и все стало по вашему обычаю. Ты вот, словно на ярмарке, торг учинил. И взять хочешь поболее, чем дары. Замыслил Колодаром овладеть? А на что тебе, и сам не ведаешь. И царь не знал, на что, требуя у тебя добыть сию книгу. В прежние времена цари и их холопы были мудрее и не желали знать, что с ними станет. Токмо время себе просили. Это вы, немцы, завели иные нравы и, должно быть, от любопытствующего ума тщитесь заполучить себе кручину смертную.

Брюсу вдруг жарко стало. Невзирая на этикет, камзол расстегнул и стащил, словно липкую шкуру. И почувал: настал нужный час.

– Отчего же кручину, да еще смертную? – спросил, борясь с внутренним трепетом.

– Оттого что знания грядущего свергают человека в печаль великую.

– Мне, мужу ученому, пристало жить умом. Я в ваши чудеса не верю, а посему не знаю тоски. Печаль-кручина и прочие нелепицы – удел придворных дам и бездельников.

– Как же ты станешь читать Колодар, коли не ведаешь письма чувонского?

– Ты и научишь. Покуда едем в Петербург невесту сватать.

– Не выучить мне тебя, немец.

– Я способен к чужим языкам и письму. Менее чем за год овладел японским, когда Ден-бея ко мне прислали, и ныне иероглифы могу начертать всяческие. Полагаю, ваше письмо не мудрее.

– Наше попроще будет, – согласился югагир. – Да не выучить тебя, оттого что я темный, слепой. А для дела сего зрение острое нужно.

– Жаль...

– Неужто ты готов познать письмо, дабы прочесть всего одну книгу?

– Во имя сей книги готов на большее.

Тренка оценил решимость, но все еще пытал:

– А ты хотел бы в сей же час узнать, что случится с тобою в скором времени?

– Хочу!

– Коль в чудеса не веришь, зачем же искушаться тем, чего не бывает и быть не может? А не боишься, коль ум за разум зайдет и затмение случится?

– Это как же – ум за разум?

– Подобно солнцу, когда оно за луну заходит. И морок бывает средь бела дня.

– Не боюсь.

– Ты же испытал и убедился: мое слово верно.

– Имел честь... И все одно, желаю.

– Ежели я смерть тебе напророчу? Скажу, ты нового утра не позришь?

Граф взглянул на костлявые кулаки Тренки и расправленные после цепей плечи, однако же не дрогнул.

– Ты сего не скажешь, – вымолвил уверенно. – Покамест я здоров и нахожусь в остроге, под охраной. А ты руки на меня не поднимешь. От чего еще мне смерти ждать?

– А матица рухнет! Как раз под ней сидишь.

Брюс взглянул на потолок.

– Чего же ей рушиться? Все крепко сделано, и трещинки не видать.

– Верно рассудил. – Показалось, югагир усмехнулся. – Знать, и впрямь не боишься грядущего.

– Так говори, что меня ждет?

Тренка опустил слепые глаза к белому, скобленому полу.

– По возвращении в Петербурх царя схоронишь. А вскорости будет тебе отставка и удаление от всех придворных дел. Не то что хула и опала, но за самовольство, проявленное из дерзости и гордыни ума твоего, попадешь в немилость. И жизнь свою окончишь в бесславном уединении, в годах преклонных, забытый прежними друзьями...

– Это мне по нраву! – поспешно, боясь спугнуть удачу, воскликнул граф. – Меня давно уж не прельщают звания и дела государственные. На сей ниве я всего достиг при императоре Петре Алексеевиче, а служить Марте Скавронской не желаю.

– И смел изрядно, – одобрил югагир. – Ну, добро, будет тебе Колодар, коль грядущего не страшишься. Но прежде устроишь смотрины невест для нашего князя. И высватаешь ту, коей заповедано роком стать женою Оскола. Получишь дозволение царицы нынешней, дабы никто не смел сказать, мол, воры мы и княжну насильно умыкнули. Ладьями обеспечишь, дашь верховых и выючных коней, чтоб приданое доставить, хлебный и прочий припас на дорогу. Да пошлешь со мной на Индигирку-реку своего верного человека. Мы и дадим ему книгу, когда князь невесту возьмет...

Граф о подобном и думать не смел и только подбирал убедительные слова, чтоб уговорить Тренку взять с собою сопровождение. А поэтому не сдержался:

– Сам поеду! Дабы принять из рук в руки!..

– Тебе в Питербурхе быть тем часом, – строго оборвал его югагир. – В хороmine своей схоронись и сиди. Токмо гляди, под матицу не садись...

– Отчего же мне дома сидеть? Я готов к путешествию!

– Ты-то готов, да обратный путь тебе заказан. Обидно же будет умирать с книгою нечитаной?

Брюс вздрогнул, вытянулся в струнку, словно в предсмертной горячке, после чего обвял и спросил обреченно:

– А разве не избежать смерти, если ведомо, где она ждет?

– Несмысленный ныне народ, – со вздохом заключил Тренка. – Вроде ученый муж, ума палата, а ровно отрок... Смерть можно обмануть, но рока не избежать. Как станешь ворочаться, в устье Оби-реки налетят на тебя верховые оленьи люди и пустят зверовые стрелы.

– Если, зная, что налетят, я броню надену, кольчугу?..

– И правда, спасут сии доспехи. Одна токмо стрела отскочит и, скользнув по латам, легонько уязвит колено. И ты потом скажешь, мол, лучше бы я не надевал защиту и был сражен в один миг.

– В чем же суть? Я не единожды был ранен и шпагою, и пулей...

– В том, немец, что оленьи люди стрелы свои сначала держат в горшке с тухлым мясом, а затем стреляют, – терпеливо объяснил югагир. – Колено загниет, а ты, заместо того чтоб сразу же приморозить ногу и попросить товарищей отсечь ее, станешь надеяться на спасение.

– Я отсеку! Или велю товарищам...

– Верно, и опять смерть проведешь. Но дабы ты набрался сил для дальнейшего пути, тебя внесут в старое зимовье и камелек растопят. Заиндевелые стены оттают и потолок... Отогреешься, и поклонит тебя в сон. И будешь землею похоронен заживо.

– Но отчего землей?!

– А оттого, немец, что так уж устроены сибирские промысловые зимовья. Заместо крыши делают накат из бревен и засыпают глиной, чтоб не мочило дождем и для тепла. На ней потом летом трава растет... От камелька растеплется земля, не выдержит старая гнилая матица и рухнет. Тогда и скажешь: уж лучше быть стрелою убитым...

Граф долго молчал, и белая его рубаша с кружевным жабо почти насквозь пропиталась потом, а из-под плотного парика бежали струйки. Он хватил полчарки казенного крепкого вина, однако не заглушил томящую его жажду.

– Как все у вас устроено чудно, – проговорил сипло, словно уже был сдавлен землей.

– А ты, немец, говоришь, мол, в чудеса не верю, – усмехнулся югагир. – Мол, нет их, а есть лишь то, что зримо оком и умом.

– Я шотландец!

– Все одно – немец. На нашем языке сие означает «немой», «не внимлющий». Если хочешь владеть Колодаром, пошли со мною человека, который вернется назад и принесет книгу. Но такого, чтоб донес.

Граф взопрел от томления.

– То будет не мой человек – государь назначил. Имя ему Ивашка Головин.

– Кто сей муж?

– В звании капитана третьего ранга. И хоть обучался в Амстердаме, но нет к нему моего доверия...

– Отчего же?

– Молод, строптив, боярского происхождения, да худороден. А ныне все худородные стремятся к чести и славе, но не к знаниям.

– Покажешь мне сего боярина, – решил Тренка. – А я уж скажу, годится или нет.

– Давай условимся, – смахивая пот, проговорил Брюс. – Ты календарь пошли с Ивашкой, но не открывай ему, что есть сия книга. И письму чувонскому не учи, дабы прочесть не мог.

Тренка бельмами своими поблуждал и сказал беспрекословно:

– Позрю на него и сам изведаю, способно ли ему будет наше письмо одолеть и лисиц чернобурых ловить. Может, сам не пожелает...

Брюс наконец-то сдернул жаркий парик, обнажил лысеющую голову и в тот же час стал беззащитным, уязвимым...

2

По случаю кончины императора Петра Алексеевича его любимчик, капитан Ивашка Головин, повергся в глубокое уныние, запил горькую, вскорости был отстранен от службы и отправлен в карцер до полного отрезвления и последующего наказания. По дороге же он растолкал конвойных моряков по сугробам и бежал. Спутав по причине долгого пьянства времена года, он сначала помчался на свой фрегат, дабы в тот час же отчалить и уйти куда глаза глядят. Вскрабкался на борт, встал на мостик и начал командовать:

– Отдать швартовы! Багры в берег – отвалить! Поднять паруса! Носовая пушка – товсь! Отвальный залп, холостым зарядом!..

И тут увидел, что матросов на палубе всего двое и они отчего-то в тулупах и с метлами.

– Где команда?! – сурово спросил Ивашка. – Где боцманмат?!

– А все на берегу, герр капитан! – докладывают матросы.

– Почему вы с метлами?

– Снег с палубы метем!

– Откуда снег?

– Дак зима на дворе, Иван Арсентьевич!

Здесь только капитан Головин огляделся и обнаружил, что корабль стоит у причала, в замороженный в Неву. Паруса и оснастка вовсе были сняты и убраны на хранение в трюм, а еще два матроса долбили пешнями сахаристый лед возле кормы.

Охолонувшись слегка, оконфуженный капитан спустился на берег и завернул в ближайший кабак, где его знали и могли налить чарку в долг, ибо денег в карманах не обнаружил. Испил немного вина и, когда в голове прояснилось, посчитал утраченные в загуле дни. И оказалось, их миновало уже двадцать, а еще вспомнил дерзкий побег из-под стражи, что было наказуемо разжалованием, и тут вовсе загоревал, ибо заступиться теперь за него было некому. Однако вина более пить не стал, а зашел к товарищу своему, Василию Прончищеву, капитан-лейтенанту, который также на берегу жил в ожидании весны. И хоть встречен был с радостью, Ивашка, однако же, только кофию попил, поглядел на счастливую семейную пару – у Василия жена была красавица, Мария, и стало вовсе дурно от одиночества, так что даже мечтать не захотелось. А мечтали они каждый о своем: Головин постарше был и потому думал выпроситься у Петра Алексеевича в кругосветное плавание, а Василий вкупе с женою своей мыслили пока что пройти полунощными, северными морями аж до Чукотки.

Теперь обоим не о чем стало мечтать...

От Прончищевых Головин побрел к себе на прошпект, где были у него рубленые хоромы, жалованные государем за находчивость и прилежную службу. Хоть и деревянные, но просторные, дворянские, в узорочье под камень, и окна на воду смотрят. Ивашка все жениться собирался и однажды даже сватов засылал к Некрасовым – дочка у них была, Гликерия, которую обыкновенно звали Ликой. Ему больше нравилось ее имя, чем сама избранница, как и многие девицы, привезенные из Москвы, в два года утратившая зубы на болотистых берегах Невы. Поэтому петербургские невесты на балах уст своих манящих не размыкали, и если смеялись, а вернее, подхихикивали, то заслоняли ладошками рты. Ко всему прочему, Гликерия оказалась еще и строптивой, отказала Ивашке и велела передать через сватов, что, тогда еще лейтенант, Головин хоть и образован в Европе, но, кроме жалованья, ничего не имеет, бездомок, обитает в трюме на своем фрегате и к тому же любит в кабаках гулять. И все его мысли не о том, как дом свой завести и семью, а совсем вздорные и безалаберные – купить корабль и отправиться в кругосветное путешествие. Но, дескать, ежели исправит свое положение, обзаведется именем или хотя бы квартирою, то тогда она, Лика, подумает.

Ивашка не очень-то и расстроился, однако сей отказ его несколько образумил: и в самом деле эдак-то можно остаться в холостяках, еще раз отвернут сватов, и на весь столичный град дурная слава пойдет гулять. А добрую обрести можно лишь в сражениях, но тут как на грех все войны государь Петр Алексеевич завершил победами и наступил тягостный для лейтенанта мир. Особенно зимою становилось тоскливо, когда фрегат Головина мерз у причала, а иного дела он делать не умел, кроме как ходить под парусами по морю и брать на abordаж шведские корабли.

И здесь выпала удача и возможность отличиться. Однажды государю вздумалось установить на устье Невы свинкса, коего он увидел где-то на картинках египетских, и так загорелся, что ни быть, ни жить. А взять такой большой камень, чтоб высечь его, поблизости негде – только из-за моря везти, со шведского берега, где граниту полно. Вот он и бросил клич: «Кто доставит морем гранитный камень для свинкса, того всячески облагодетельствую».

На что ему был нужен этот свинкс, никто из морских офицеров не спрашивал, да блажь царскую уважать следует. В Европе Ивашку только навигации выучили, а думать он умел по природе своей, поэтому походил по берегу, подумал, посчитал и взошел на свой фрегат.

– Поднять якоря!

Пришел он к шведскому берегу и теперь по нему походил, подумал, посчитал, выбрал подходящую скалу, что у самой воды стояла, созвал прибрежных шведов и нанял их сухостойный лес рубить да к морю возить. А те после поражения смиренные были, податливые, валят сосны в два обхвата, тащут их лошадьми на берег и молча дивятся: на что русским сухостой, лишь на дрова годный? Неужто в России весь лес вырубил и печи топить стало нечем?

Моряки же тем часом начали вязать плот размером двадцать на сорок сажен, да не в одну деревину, а многоярусный, в двенадцать венцов: лес железными скобами сбивают, гвоздями и для прочности смолеными канатами переплетают. И форму плоту придают корабельную – форштевень, высокий нос, корма, все как полагается. Связали из сухостоя эдакое чудовище первобытное, подчалили кормой к скале и стали в той скале дыры пробивать и порохом заряжать. Тут молчаливые шведы и вовсе затылки зачесали: должно быть, эти варварского вида люди или с ума сошли, или совсем глупые, или же что-то небывалое замыслили, а то и вовсе для них, шведов, опасное и вредное – так в Европе всегда думали о русских, дабы не вдаваться в подробности их нрава. А лейтенант Головин велел с берега всем удалиться и махнул флажком. Побежал дымок по берегу, достал скалы, и тут так гроыхнуло, что у любопытных шведов шапки сдуло. Скала же качнулась и медленно завалилась на плот, погрузив его в глубину до самого верхнего венца, так что издалека кажется, будто камень сам на воде плавает. А моряки на него еще и мачты поставили и снасти заготовили. Позрев на это, шведы доложили своему королю Карлу: дескать, моряки царя Петра не только дрова, но и скалы воруют. Король не поленился, приехал лично посмотреть, но Ивашка ему царскую грамоту показал, где было сказано, что лейтенант Головин послан к шведским берегам, дабы взять граниту для свинкса в зачет возложенной по договору контрибуции.

– А на что Петру сфинкс? – изумился Карл.

– Кто его знает? – ответил лейтенант. – Может, хочет, чтоб у нас как в Египте было. И не желает больше быть императором, а мыслит назваться фараоном. Цари, они же как малые ребята, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Король так ничего и не понял, однако же махнул рукой.

– Ну, добро, идите теперь домой! – позволил, и поскольку зол еще был на русского императора, то добавил: – Пускай Петр этот камень себе на могилу поставит!

Ивашка дождался попутного ветра, впряг свой фрегат в постромки, закрепленные на носу плота, поднял все паруса и пошел через море. Кто тогда встречу или вкрест проплывал, глаза себе протирали – блазнится ли, или уж в самом деле скала под парусами идет? Плата-то не видать, он весь в воду погрузился.

Приплавил лейтенант камень в устье Невы, причалил плот к берегу, а его весь столичный град встречать вышел. В толпе и Гликерия стоит, пуще всех радуется, руками машет и, забывшись, уста-то свои сахарные отворила. Ивашка как глянул на ее рот старушечий, так его от женитьбы сразу и отвратило. Государь на этот камень взошел, обнял там Ивашку, поцеловал и на радостях всячески облагодетельствовал: своею шпагой одарил, из лейтенантов в капитаны третьего ранга произвел, золотом воздал и хоромы пожаловал на прошпекте. А еще с камня же крикнул Меншикову:

– Алексашка! У тебя дочери который год?

Александр Данилович испугался, руками замахал:

– Мала еще! Мала!

– Как подрастет, за этого капитана отдашь!

Гликерия такое услышала и тотчас из толпы убежала.

Столько Ивашка за войну наград не получал, когда живота своего не жалел! Вот как Петру Алексеевичу свинкса хотелось поставить в Петербурге. Теперь или жди, когда Мария Меншикова подрастет, или не дожидаясь заходи в любой дом, сватайся, но на Головина опять тоска напала и нехотенье. Лика же нравом дерзкая была – не стыдилась того, что когда-то отказала Ивашке, а теперь передумала; она вознамерилась добиться своего и отважилась пойти к немцу, который новую моду завел в Петербурге – золотые зубы вставлять. Прежде он только отважных мужей пользовал, которые адские пытки готовы выдержать, когда живые зубы точат подпилком и сверлят коловоротом, а тут приходит девица и говорит, мол, вставляй, все вытерплю. И ведь вытерпела, слезы не пролила, до чего умела сердце скреплять. Является она на ассамблею, куда и Головин зван был, встречает его и улыбается во весь рот. Он же опять как глянул, так и вовсе потерял охоту к супружеству.

А с камнем гранитным вот какая недолга вышла: оказалось, его легче из-за моря приплавить, чем на берег поднять и там уже свинкса из него вырубить. Народу и лошадей согнали не только из Петербурга, но и со всей округи, опутали скалу, обвязали канатами и давай тянуть. С плота еще кое-как на отмель стащили, а уж когда он припал к земле – так к ней присосался, что ни с места. Сам государь впрягался и тянул – не помогло; сколько веревок и гужей порвали – не считано. Немцы всяческие прожекты предлагали: дожидаться зимы и по льду вытащить камень, наморозив ледяную дорогу, или вовсе высечь свинкса там, где лежит скала, и пусть его омывают волны речные. Ну и прочие всякие глупости. Но Петр Алексеевич уже сумрачный стал, какие-то, видно, тайные надежды его рухнули, и скорее всего, надорвался он, пытаясь сволочь камень, простудился в холодной воде и с того начал часто хворать. Потом и вовсе махнул рукой и позволил пилить гранит на плиты, чтоб полы во дворцах настилать, фасады обделывать, ставить всяческие балюстрады, изваяния или вовсе пускать на надгробия богатых, но усопших граждан Петербурга. За один год всего так и не высеченного свинкса искололи, испилили и растащили – немцы едва успевали пилы из Германии возить.

Освобожденный плот же к берегу подчалили, разобрали, изрубили на дрова, и почитай всю зиму топился столичный град шведской кондовой сосной.

И вот после кончины императора Ивашка Головин отбраничал двадцать дней, оплакал былые веселые времена и, бежав из-под конвоя, засел в своих хоромы на прошпекте, чтобы с мыслями собраться и подумать, чем же скрасить далее свою жизнь. Из прислуги у него были лишь старая кухарка да камердинер, исполняющий обязанности истопника, сторожа и стекольщика: кто-то повадился каждую ночь бить стекла в окнах. Посоветоваться даже было не с кем. Ивашка наказал холопам, чтоб говорили, будто его дома нет, поскольку опасался, что вновь пришлют конвой, а сам залег, как медведь в берлогу, и разве что не лапу сосал, а отпивался капустным рассолом с брусникой. Похмельные мысли и так невеселы были, а тут еще ночью услышал он, как возок к дому подъехал и встал. Полагая, что это комендантский конвой, капитан от досады и расстройства шпаги хватился, да вспомнил, что отняли ее при аресте. И тогда

взял от печи старую секиру, которую камердинер давно приспособил головни в топке толочь, и сунулся к окошку. В сей миг из повозки вышла женщина – лица не рассмотреть, стекла заиндевелые, да и фонари на облучке тусклые, направилась было к подъезду, но вдруг взмахнула рукой, и капитан едва отскочить успел. Стекло брызнуло в разные стороны, зазвенело, а по полу забрякал увесистый булыжник. Ивашка снова к окну, и на устах уже вызрел пузырь корабельного ругательства, но не лопнул, ибо в следующий миг узрел он сквозь пробитый глазок сверкнувшую золотом улыбку – не было подобной во всем Петербурге!

А Лика села в возок, захлопнула дверцу, и лошади с места взяли в рысь.

Более изумленный, чем возмущенный, капитан долго не мог найти покоя, велел камердинеру до утра заткнуть дыру в окне подушкой, но в комнате все одно выстыло, и он отправился в гостиную. Неугомонная Гликерия вернула его к прошлым мыслям о женитьбе – куда ни кинь, все указывает, что пора обзаводиться семьей, тогда, может, и тоска отойдет. Только вот к кому отправлять сватов? К самому Меншикову – у него дочь подросла, а государь прилюдно обещал отдать ее за Головина? Так ныне Александр Данилович Екатерине одним из первых присягнул, угодил в фавориты и капитана ко дворцу своему на милую не подпустит. И слышно, рвется он к трону через свою Марию, ибо вздумал выдать ее за наследника, малолетнего Петра Алексеевича. К Румянцевым ли направить стопы, или еще раз попытаться счастья у Некрасовых? Лика-то неспроста зубы вставила и окна хлещет – должно, есть у нее любовь страстная, а то, что рот у нее сияет, как открытая табакерка, так к этому привыкнуть можно, а потом ночью-то, в постели, не видать. Днем же миловаться с ней будет недосуг – служба да походы морские...

Так размышляя и уговаривая себя, Ивашка уж было решился наутро заслать к Гликерии сватов, однако вспомнил: император Петр Алексеевич-то до сей поры в леднике лежит, не похороненный! Какие уж тут сватовство и свадьба, когда в стольном граде скорбь, по-новому «траур», и сам он еще под арестом и угрозой разжалования?..

Уже под утро, когда немецкие часы отбили четверть пятого, капитан вконец увяз в невеселых топких мыслях и уже кликнул кухарку, чтоб принесла вместо рассолу вина, опять под окнами запели на морозе кованые полозья. Он занавеску отвел, рукавом иней со стекла считил – вот теперь уж точно конвой пожаловал: на паре приехали, санный возок оленьим мехом крыт и фонари яркие. Тут из него вышел офицер и два нижних чина с саблями спрыгнули с задков, да сразу все на крыльцо.

– Открывай, господин капитан! – застучали в двери. – Мы знаем, ты дома, коли в кабаках нету!

При подобной диспозиции следовало или затаиться, ровномышь, или оказать возможное сопротивление, но Головин выбрал третье – сдать, велел впустить конвой, ибо в тот момент не было желанья ни прятаться, ни драться. Камердинер снял дверь с запоров, офицер и нижние чины вошли, однако встали у порога, сабель не вынимают из ножен и в караул не становятся.

– Доброго здоровья, Иван Арсентьевич, – сказал офицер и башлык скинул.

Ба! Да это же Данила Лефорт, подручный Брюса, человек хоть и давно знакомый, но поскольку с отрочества воспитан был графом, обучен им всяческим наукам и хитростям и при нем же служил, то дружбу ни с кем не водил и обыкновенно спесив был с Ивашкой и высокомерен. Один раз только и снизошел, когда Головин камень из-за моря приплавил по воде: все расспрашивал, как сие удалось да какими расчетами он пользовался, и самолично гранитную скалу обмерил веревочкой, нарисовал и грузность ее вычислил в пудах и фунтах, дабы потом графу доложить.

– Виноваты, ночью потревожили тебя, – между тем продолжает Данила, а в голосе неслышанное заискивание, – да дело у нас неотложное. Отряжены мы генерал-фельдцейхмейстером Брюсом с нижайшей его просьбой немедля прибыть к нему для разговора важного. Меня Яков Вилимович еще днем послал, да я тебя только к утру сумел отыскать.

Капитан изумился даже более, чем когда увидел улыбку Гликерии за разбитым окном: граф никогда к нему не обращался, тем паче с просьбой нижайшей. Напротив, гордый шотландец всегда держался с ним заносчиво, а когда Головин камень из-за моря приплавил, и вовсе пренебрежительно, ибо, как все иноземцы, преданные русскому государю, Брюс отличался страстной, почти женской ревнивостью и презирал всех, кто приближался к объекту его поклонения. Яков Вилимович не мог забыть отеческих объятий и поцелуя Петра Алексеевича, когда тот с капитаном вместе забрался на гранитную скалу и оттуда взирал на собравшийся народ. В свою очередь Ивашка к графу относился презрительно, дерзко и порою насмешливо, не почитал ни его чинов, ни званий и заслуг, отчего Брюса кривило, да поделаться с императорским любимчиком сей вельможа ничего не мог.

– А скажи-ка, Данила, чем обязан я столь редким вниманием графа? – сдержанно спросил Ивашка, не давая лопнуть пузырю возмущения.

– По велению покойного государя императора, тебе, Иван Арсентьевич, надлежит исполнить некое поручение государственной важности, – доложил тот. – Можно сказать, это его последний наказ тебе, ибо Петр Алексеевич вскоре после того преставился.

– А при чем здесь генерал-фельдцейхмейстер? – Похмельная голова капитана еще не образумилась в полную силу, мысли плавали и шуршали, ровно шуга¹ на реке, однако упоминание о воле государя взбодрило его.

– При том, господин капитан, что император передал веление свое посредством Якова Вилимовича. А подробности мне не известны, ибо дело тайное. Ты уж не губи меня, Иван Арсентьевич, граф и так во гневе, что скоро не сыскал. Поезжай к нему, а он уж сам тебе скажет.

И тут еще капитан вспомнил, отчего ударился в запой – из-за Меншикова, который привел Екатерину на престол, того же генерал-фельдцейхмейстера Брюса и прочих им подобных! Можно сказать, предали они государя: когда тот в леднике лежал непохороненным, все его сподвижники тем часом кинулись присягать императрице. Должно быть, граф с Меншиковым давно сговорились, кто сядет на трон, ведь Брюс ранее чести удостоился великой – корону нес во время коронации Екатерины!

Как тут горькую не запить?

– Знал бы Петр Алексеевич, каковым граф оказался, – тяжело вздохнул Головин. – Стыд и срам... Не поеду к Брюсу!

– Помилуй, Иван Арсентьевич! – взмолился Лефорт, догадавшись, куда клонит Головин. – Генерал-фельдцейхмейстер в сем позоре не участвовал. Он тем временем в Двинском остроге находился. И недавно лишь вернулся.

– Все одно ехать не желаю!

– Граф без тебя не велел на глаза являться! Придется силой тебя взять и свезти.

– Попробуй!

Капитан огляделся в поисках шпаги и, вспомнив, где сейчас его личное оружие – дар императора, – несколько увял.

– Не вынуждай нас брать тебя помимо воли, – снова принялся умолять Данила. – Не станем ссориться, Иван Арсентьевич! Добром тебя прошу!

И тогда Ивашка схитрить вздумал.

– Поехал бы, – говорит, – да без шпаги никак не могу, по достоинству не положено.

– Где же твоя шпага? – спрашивает Данила.

– Должно, у коменданта. Привезете, так поеду.

– В сей час привезем!

Сели в возок и с места в галоп – умчались. И полчаса не проходит, как являются со шпагой и отпиской коменданта, что арест снят без всяческих последствий. И сие обстоятельство

¹ Шуга – мелкий битый лед во время ледохода или перед замерзанием рек.

было уху капитана убедительнее слов Лефорта: коли он добился этого, знать дело у Брюса и впрямь важное.

Привезли Головина во дворец графа, а тот, несмотря на час ранний, сам у порога встречает, и видно, за ночь глаз не сомкнул. И речь заводит душевную либо весьма прехитрую – его же сразу не поймешь:

– Осиротели мы с тобой, Иван Арсентьевич, без благодетеля нашего и отца, государя Петра Алексеевича. И лежит он в леднике, доньне не преданный земле, поелику сподвижники его ворами оказались. Теперь наследство делят да возле Скавронской Марты увиваются, клянясь в преданности. И я в сей грязи замарался, корону ее нес...

Капитан слушает гордого ученого шотландца и ушам не верит своим – что же такое могло случиться, ежели граф так резко поменял диспозицию? Неужто его, мудрого книгочея и философа, витающего в звездных небесах астролога, эдак потрясло явление земное – кончина хоть и императора, но человека смертного? И от того ревность и ненависть к Головину так неожиданно перевоплотились в любовь, да еще и с покаянием? Или уж похмелье выходит из мутной головы Ивашки, а посему и мир встает перед взором и слухом, ровно перевернутый?

– Твой посланец Данила Лефорт сказывал, у тебя дело есть, – набравшись дерзости, перебил его капитан, – порученное мне самим Петром Алексеичем. Так говори, не стесняйся.

– Ступай за мной, – скомандовал генерал-фельдцейхмейстер.

Приводит его в покои, а там на хозяйской кровати спит бородатый, долгогривый детина. Брюс зашептал:

– Видишь сего человека? Это тайный затворник Двинского острога, с Индигирки-реки, именем Тренка. А про себя говорит, будто он из племени Юга-Гир, что значит «огненная гора», с коей некогда спустился великий и могучий народ. Будто прежде населяли они пространство по обе стороны от Уральского камня во всех землях полунощных. А стольный град их стоял на месте, где ныне город Великий Устюг, на реке Юг. Пришел сей Тренка в Петербург семь лет тому, но был отправлен подальше и заточен в означенную крепостицу. Привез я его намеренно, дабы исполнить завещание государя императора.

– И что же завещал Петр Алексеевич?

– Высватать невесту именитого рода и сопроводить на Индигирку-реку. Там выдать замуж за их князя, именем Оскол Распута.

Капитан головой потряс, полагая, что все увиденное и услышанное – не что иное, как чертовщина, блажные картинки из тех, что, по рассказам, мерещатся с перепоя. К тому же граф говорил гнусавым полупшепотом, зачем-то щурил один глаз и в полумраке походил на совращающего беса. Но сколько ни тряс – ни спящий затворник, ни граф не исчезли. Мало того, Яков Вилимович вывел его из покоев, притворил дверь и тут уже заговорил громче:

– Последняя воля Петра Алексеевича могла бы показаться странною. Ему ли хлопотать о некоем диком племени варваров сибирских, когда он обратил Россию в Европу? Но мы с тобою, Иван Арсентьевич, лишь вдвоем остались ему верные, и след нам исполнить завещание в точности. Не наше это дело – обсуждать и предавать сомнениям волю императора.

Увел Ивашку в гостиную, приказал челяди подать на стол и тут уж в подробностях пересказал суть последней встречи с государем, поведал, как съездил в Двинский острог. А для пущей убедительности вынул из шкатулки и показал две грамоты: в одной писано, что отныне и навеки югагиры освобождаются от уплаты ясака и переводятся в разряд подданных российских людей, то есть уравниваются в правах с сибирскими переселенцами, а вторая – удостоверительная дорожная, отписанная ему, Ивану Головину, сыну Арсентьеву, с людьми, которая обязывает всех воевод, начальников на заставах и комендантов крепостей никаких препятствий не чинить, пропускать во все земли и оказывать всяческую безвозмездную помощь, как то: воинскую, ружейным и хлебным припасом, верховыми и вьючными лошадьми, оленями и ладьями.

Капитан руку государя знал, ибо с любовью хранил его жалованную грамоту, и при виде этих двух в голове как-то сразу прояснилось и даже образ графа приобрел прежнюю его благородность. У Ивашки в тот час не возникло вопроса, отчего Петр Алексеевич поручил столь необычное дело Брюсу, поскольку знал, что этот шотландец начал служить государю еще в Потешном полку и за столь долгие годы был единственным приближенным, кто ни разу не получал от него наказаний и взысканий.

– Одного в толк не возьму, – прочитав грамоты, сказал капитан. – А чего это государь озаботился судьбою некоего ясачного племени?

И тут Брюс начал хитрить и уваливать.

– Покойный государь император о многих племенах и народах отеческую заботу проявлял. Не мне судить о замыслах помазанника Божьего, но полагаю, настал черед и югагиров. Верно, проникся он их нынешним положением. Да и они, сии югагиры, на иные сибирские народы не похожи. Ни обликом, ни нравом. И речь их весьма сходна со старой российской. Правда, они также хорошо владеют якутским, чукотским и прочими варварскими языками и много слов ихних употребляют. По пути из Двинского острога Тренка обучил меня словам, и должен сказать, языки сии напоминают грубые монгольские наречия. А в племени Юга-Гир говорят мягко, певуче, и речь их не лишена некоего благородства. Петр Алексеевич пытлив был и любознателен, должно, послушал сего Тренку и проникся...

У Головина на хитрости слух был тонкий, но сам он, будучи нрава грубоватого и прямого, не умел так же тонко выпытывать скрытую суть, поэтому спросил откровенно:

– Так проникся, что отправил в Двинский острог, заковал, словно государева преступника, и в темницу заключил? Ты, Яков Вилимович, не мудри и скажи, как есть. А то ведь мне недосуг невест выбирать да отводить их невесть куда – на Индигирку! Самому жениться пора. Раз Петр Алексеевич на меня перстом указал, я все должен знать.

– Помилуй, Иван Арсентьевич, я ничего от тебя не таю! – нарочито взмолился граф. – Ты по молодой прыти выслушать меня не желаешь, торопишь. А дело сие требует обстоятельности и терпения. И денег потребует, ибо из казны не было отпущено. Я вот уже более полутора тысяч рублей серебром потратил, чтоб припасы закупить, добрых лошадей, амуницию, ружья аглицкие, скорострельные. Только войлоку мягкого и твердого купил полтора аршин! И еще надо бывалых людей нанять, жалованье им положить. Дорога-то дальняя, нелегкая, где-то придется ладьи строить и по рекам ходить, опять же расходы требуются на оснастку, паруса и скобяные...

– А войлоку-то на что столько?

– Не знаю!.. Тренка велел.

– До Индигирки, поди, за целое лето не дойдешь, – тоскливо протянул Ивашка. – Ни сушей, ни морем. А еще обратный путь... Что же, мне еще на два года женитьбу откладывать?

Тут Брюс даже ладонью по столу пристукнул, ибо право имел:

– Предсмертная воля государя! Он обязал нас. Долг чести – исполнить!

– Яков Вилимович, а что бы самому эту невесту не отвести к югагирам? Тебе путешествия по нраву, тем паче потратился...

– Я бы с великой охотой, да на тебя грамота выправлена, – не сразу и с прежней хитрецей признался граф. – К тому же Тренка сказал, на обратном пути меня беда ждет...

– Откуда он знает? – изумился капитан. – Он что, провидец?

– Не хотел раньше времени говорить тебе. Да ты вынуждаешь... Сей югагир знает все наперед, что случится. Мне государь говорил, а я, ко греху своему, не поверил... Как увидел его в Двинском остроге, так убедился. Тренка говорит, меня же оторопь берет. И куда ехали мы в Петербург, много подтверждений получил. Вот скоро встанет, глянет на тебя, Иван Арсентьевич, и все скажет, что будет.

– Как же он глянет, ежели слепой?

– Ему и глаза не нужны...

Ивашка встал.

– Благодарствую за угощение, господин генерал-фельдцейхмейстер. Да некогда мне сказки твои слушать. А за освобождение из-под ареста низкий тебе поклон.

– Постой-ка, Иван Арсентьевич! Куда же ты?

– Отосплюсь в своих хоробах, себя в порядок приведу. В столь непотребном виде как невесте на глаза являться?

– Какой невесте?

– Своей, Гликерии Некрасовой. Вздумал я в сей час с ней сговориться, а как погребут государя императора да сороковины справят, посватаюсь. Не знаешь ли ты, Яков Вилимович, когда похороны состоятся? Слышал я, тебя главным распорядителем назначили?

Всегда невозмутимый Брюс тут подскочил, потряс руками, не находя слов:

– Отрок неблагодарный! Кто б ты был, ежели не отеческое к тебе отношение государя? А ты пренебрегаешь завещанием его?!

– Волю Петра Алексеевича исполнить готов, – испытывая прежнюю неприязнь, однако сдерживаясь от ругательств, проговорил капитан. – Да ты позвал дело государственной важности сделать, а сам сказками потчешь! Невесту избрать, отвести за тридевять земель некоему князю. Провидцы там всяческие, предсказатели... Стал бы ты свои денежки на сие предприятие тратить!

Граф неожиданно ссутулился и загоревал:

– Полагал, я один в России реалист и в чудеса не верю... Ты еще пуще меня прагматами напитан. И откуда в тебе сии черты?

– В Европе обучался...

– А какое у тебя в жизни главное хотенье?

– В сей же час мне жениться след. И чтоб за невестой доброе приданое.

– Разбогатеть хочешь?

– Кто же сего не хочет?

– На что?

– Чтоб свой корабль построить и землю вокруг обойти, – признался Ивашка. – Я просился у Петра Алексеевича в плавание кругосветное. Он посулил отпустить... Да теперь уж сему не бывать. И корабля не построить...

– Отчего же?

– Жалованье не позволяет. А иного прибытка нет.

Брюс встряхнулся.

– Добро, Иван Арсентьевич, теперь скажу тебе правду.

– Сразу-то нельзя было? – проворчал капитан. – Какую ночь не сплю, глаза смыкаются, а ты манежить меня вздумал.

– Испытывал я тебя, – признался граф и, сняв парик, обрел вид домашний и доверчивый. – Без испытания в тайных делах невозможно, ибо я знать должен, как ты в том или ином случае себя поведешь. Прежде я ведь к тебе с ревностью относился из-за расположения и любви государя. И истинного лица твоего видеть не мог.

Это походило на внезапную откровенность, чего у горделивого и могущественного генерал-фельдцейхмейстера ранее не замечалось вовсе. Капитан сел на свое место, однако же подумал, что и подобное перевоплощение хитростью может быть, только более скрытой.

– Невеста для князя сибирских варваров – это лишь предлог, – продолжал граф. – Веская причина явиться на Индигирку, к юагирам, и быть с честью ими принятым. Они к себе никого не впускают и даже ясак привозят в условленное место и оставляют сборщикам. Никто еще не бывал в логове сих туземцев, не разведal ни нравов, ни обычаев и ни того, какие они тешат мысли, запрашивая у государей российских невест из именитых родов. И вот тебе госу-

дарь велел проникнуть в сие племя и выведать истинные намерения. Коль они не опасны для престола, женишь их князя, погуляешь на свадьбе, про обычаи прознаешь и с дарами ихними домой. Но ежели узришь крамолу супротив царствующей семьи, всяческие претензии на трон, что были у Литвы и есть еще у поляков, либо прочие угрозы, указ Петра Алексеевича вручишь князю с торжеством соответствующим. На минуту царем себя почувешь! Чувонцы тебя на руках станут носить, ублажать всячески и почести оказывать. К примеру, женок своих давать. Говорят, обычай у них такой! Да гляди, не женись там!

– На что мне дикая туземка, когда невеста есть, – отмахнулся Ивашка. – Я уж сразу в Петербург поспешу.

Но тут же был осажен генерал-фельдцейхмейстером, словно вспомнившим, кто он есть и кто перед ним.

– Умей выслушать начальника! – сделал внушение. – И нрав свой след сдерживать.

– Прости великодушно, – обронил капитан.

А Брюс продолжал:

– В Петербург не спешай. Расстанешься с югагирами и сам с людьми своими сядешь в остроге, который укажет воевода, уподобишься купцу и станешь торговать. Выменивать у югагиров, саха, чукчей и прочих тунгусов мягкую ружлядь на ружья, припас к ним и крепкое вино. Да не скупись, будь щедрым, и кому в тягость дать соболей и лисиц за товар, в дар его подноси. В первую очередь, воду огненную – так туземцы вино называют.

– Не с руки мне торг вести, – воспротивился Головин. – Я старого боярского рода, мои деды стольниками были. А купечество – дело хитрое и подлое!..

– Так государь император велел! – оборвал граф. – Твое дело – исполнить, невзирая на свое к сему отношение.

– Погоди-ка, Яков Вилимович, – встрепенулся Иван. – А я сим указом раздора не посею? Зависти не пробужу? Не сотворим ли мы худого?

– Петру Алексеевичу виднее было, что сотворится. Полагаю, даруя слободу югагирам, он хотел опоры себе найти в полунощных землях.

– Ежели так, то еще ничего... И все одно подумать след, прикинуть, как да что. Но ты уволь уж меня, граф, торговать я не стану. Тем паче ружьями, порохом и вином.

– Как же так – не станешь?

– Да туземцы сии, испив водицы огненной, в тот час обиды вспоминают старые. Мне прадед много чего порассказывал про нравы ихние... А вспомнив, друг в друга стрелять начнут!

– Ну и постреляют, так что же? Друг с друга спесь собьют и угомонятся, как протрезвеют. А нет, так воевода ленский казаков пошлет и усмирят.

Капитан распрямился.

– Не пристало мне, морскому офицеру, столь мерзкими делами заниматься.

– А мне, генерал-фельдцейхмейстеру? – Голос графа тихо зазвенел. – Как ты еще мыслишь управлять варварскими народцами? Коль обычаи и нравы таковые имеют?.. И посредством чего оборонить престол от самозванцев? Мы же приставлены его стеречь!

– Подумать след. – Ивашка был себе на уме, даже страдая от похмелья. – Неужто они и впрямь способны престолу навредить?

– Ты станешь исполнять, что государь велел. А ежели югагиры смуту затевают, подобно полякам? Отчего сей Тренка пожаловал в год, когда казнили царевича Алексея?.. – Брюс потушился, набычился и продолжил с горечью: – Я говорил Петру Алексеевичу: не след лишаться истинного наследника, прости его, помилуй. И царевич бы внял отцовскому благородству... Ан нет, не остановил своей руки государь. Я же приговор не подписал, один из всех прочих... И эти прочие сейчас Скавронской присягают... – Он вскинул голову. – Впрочем, отвлекся... Тренка с товарищами пришел вскоре после казни и невесту для князька своего попросил. Родовитую ему подавай, поскольку князь варваров себя причислил к древнему роду царей!.. Спроста ли?

Капитан встряхнулся, стогняя оцепенение, навлеченное голосом Брюса.

– Как дикие туземцы с Индигирки могли узнать, что сотворится с царевичем?

– В том и суть, Иван Арсентьевич, – подобрел граф. – Умом сего постигнуть невозможно... Однако Тренка свидетельствует: есть у югагиров некий календарь, где все прописано наперед. Сию книгу они вещей называют. Чему быть в грядущем, когда и отчего войны сотворятся, кто править станет, от чего умрет и прочие откровения. И будто счастливцев, сей книгой овладевший, становится прозорлив. Ему довольно взглянуть на человека, и в тот час предсказать всю жизнь последующую.

– Не сказки ль это? – почти с отчаянием воскликнул Ивашка. – Я слышал множество небывальщин и прочие рассказы на зуб пробовал... Все пустое!

– Поверить тотчас трудно, – согласился граф. – Я много лет корпел над книгами отреченными, всяческими календарями и даже свой издал. Гадания народные изучал, тайные магические ритуалы, астрономией увлекался, положением звезд и светил... Но и на йоту не приблизился к разгадке, что будет в следующий миг. И при сем вере не утратил. Должен быть подобный календарь! У югагиров и название ему есть – Колодар.

– Уволь, Яков Вилимович, но как возможно изведать, чему быть суждено?

– А ты спроси югагира!

– Нет, прежде тебя спрошу, – вспомнил Ивашка. – Давненько уж мыслил тебя попытать, Яков Вилимович, как человека ученого. Да ты ранее-то не допускал к себе эдак близко...

– Спрашивай, Иван Арсентьевич, – позволил граф.

– На что Петру Алексеевичу был нужен свинкс?

Брюс на минуту задумался, ибо сего вопроса не ожидал.

– Должно быть, чтоб Россию возвеличить.

– Как же возможно возвеличить ее неким изваянием каменным?

– Изваяние-то велико было бы, – предположил граф, – и зримо издалёка. Да и сотворить его способно только государям великим, дабы прочих изумить.

Головин тоскливо на него взглянул:

– Не верится мне в сие... Не в величине суть. Горы вон в тридцать выше, да что?

– Сфинкс-то рукотворен!

– Ты мне скажи, Яков Вилимович, а на что египтяны его поставили? По блажи своей, чтоб других изумлять? Опять не верится... Когда я камень пригнал от шведов, в книгах читать принялся, а нигде не писано, на что. Они в старине глубокой свинкса воздвигли по какой-то нужде великой, не иначе. А то стали бы столь громадный камень волоочь да тесать! И образом-то человек, а телом – зверь лютый, суть лев... Сказать, столь глупы были, тоже нельзя: от глупости люди рушат, а не сотворяют. Мы же ныне живем и не ведаем, на что?..

Сказал так Ивашка и вдруг узрел, что Брюс встрепенулся и уставился куда-то мимо, за его спину, и в глазах на миг возник испуг, чего не бывало да и быть не могло у самоуверенного генерал-фельдцейхмейстера. Почудилось, даже привстать хотел, как если бы сейчас сюда вошел император, единственный человек, перед которым он вставал.

Капитан помимо воли оглянулся...

В сводчатом проеме двери стоял тот самый детина, коему было позволено почивать на хозяйской кровати. Всклоченный со сна, в вольной длиннополой рубахе и освещенный тусклой свечью, он напоминал привидение, роняющее зыбкую тень.

Видимо, он услышал последнюю фразу, сказанную Головиным, ибо, шаря пространство рукою, приблизился к нему и, склонившись, заглянул в лицо.

– А что, боярин, хочется изведать? – спросил, блуждая взором. – Да вижу, душа-то нетерпением трепещет...

– Напротив, не хочу, – наперекор ему сказал Ивашка, хотя в тот час подумал: а неплохо бы узнать, как образуется его жизнь после смерти Петра Алексеевича. – У меня душа от иного трепещет...

– От чего же? Все токмо и жаждут изведать, что завтра станется. Ты же противишься...

– И так тоскливо наше существование, – вздохнул Головин. – А узнай грядущее, так и вовсе от печали удавиться только.

– И то правда, боярин, – как-то неопределенно согласился югагир.

– Однако же хотел бы знать, каким путем поведем невесту? Сушей или морем?

– Тебе что более по нраву?

– Я морскому делу обучен, и мне сия стихия милей.

– Который нагадаю, тем и пойдем, – заявил Тренка. – Рано думать о пути, еще и невеста не высватана.

– А вот в сватах я не хаживал, – признался капитан. – И ремеслом сим не владею. Тут уж увольте...

– Сватовство – дело важное. Тебе и поручу, боярин.

– Да я и речей-то подобных заводить не умею!

– Речи немец говорить станет, а ты глаз свой наостри и взирай.

– Куда взирать-то?

– На невест, боярин. Царь ослепил меня в темнице – ты моими глазами станешь. На которую взор твой упадет, той и быть. Вот тебе покров! Как узришь деву, достойную Оскола, так покроешь ее главу, чтоб никто порчи не навел...

Ивашка ткань взял, сложил ее вчетверо и за пазуху спрятал.

– Про грядущее спрашивать тебя не стану, – сказал. – А про старинное спрошу. Есть такие люди, египтяны. У них еще Спаситель наш, Иисус Христос, скрывался... Слышал про них?

– Слышал...

– Они каменное изваяние воздвигли, свинкс называется. На тело позришь – зверь лютей, а лицо человеческое... Ты не знаешь, на что?

Тренка интерес потерял.

– Сам в книге прочтешь, коль пожелаешь.

– Да я читал... Нигде не сказано, на что!

– В вещей книге писано: время сторожить на чеп посажен...

3

Так, мечтая сватов заслатъ да обневеститься, Ивашка Головин сам сватом стал и обязанностью сей довольно тяготился, ибо не имел легкого, игривого ума, чтоб сразу же, с порога, завести веселый разговор да еще и обычай соблюсти, слова нужные сказать, к примеру, про красный товар и про купца-молодца. Нарочитые эти речи не вдохновляли, но более всего не давались все последующие, когда надо было обсказать родителям невесты, что это за молодец, где обитает, каков его достаток и прочее. Добро, что ездили по домам родовитых и именитых вкупе с графом, коего с честью встречали и, прослыша, кто жених, сразу не гнали взашей даже те, кто откровенно презирал новое дворянство и иноземцев, – все-таки опасались вельможу государя и выпроваживали с уважением.

А со слов Тренки Брюс собственноручно составил столбец, еще в недавнем прошлом от одних только имен у любого жениха голова бы вскружилась: Свиньины, Ртищевы, Оболенские, Нарышкины, Голомедовы, Валуевы и еще полдюжины бояр поменьше. Лишь некоторые из них жили теперь в новом стольном граде, а большинство – в Москве, Твери, Суздале и даже Белозерске, и, как утверждал югагир, у всех у них были дочери, сестры либо племянницы на выданье. Согласись государь отыскать невесту для Оскола, так сам бы призвал их вместе с родителями ко двору, учинил бы смотрины и скорое сватовство – кто бы отказал Петру Алексеевичу? Тут же попробуй объездь столько подворий за короткий срок, да еще не привлекая к себе внимания нынешней императрицы! Она же после первого и неудачного сватовства, по слухам, в тот час встрепенулась – доложили наушники!

И спросила:

– За кого Брюс сватал девицу у Оболенских?

Верные графу люди поспели раньше иных, отвели подозрения:

– Да за Головина Ивашку.

– Отчего это генерал-фельдцейхмейстер взялся его судьбу устраивать? Ранее он сего капитана и видеть не желал. И почему поехал к Оболенским? Я и лучше невесту найду. Пусть обождет, как только дела государственные улажу, так и оженю его.

Первейшее дело она все же справила, назначив Брюса главным распорядителем на похоронах, и в один день случилось погребение и служба на сороковины. И когда наконец император земле был предан, жена покойного возомнила себя императрицей и пожелала устраивать судьбы придворных и приближенных, в числе коих Ивашка покуда оставался.

И еще добавила:

– Передайте графу, пусть заглядывает ко мне иногда. Я давно не слышала всевозможных мистических историй. А прочие мне так скучны!

А сватовство у Оболенских не вышло, хотя поначалу и заладилось по той причине, что старый князь чего-то не расслышал, поскольку был туг на ухо, и подумал, будто его племянницу приехали сватать за капитана; дядя умышленно ее из Москвы привез, дабы в Петербурге замуж выдать. Девица в невестах засиделась, считай перестарок, на двадцатом году – Оболенских тогда еще на придворные ассамблеи не звали, а где еще подходящего жениха сыщешь? Князю и втемяшилось, что за Головина сватают, да еще сам генерал-фельдцейхмейстер Брюс пожаловал и чести удостоил. Хотел уж невесту звать, дабы иконой обнести, но граф вовремя понял, что путаница происходит, и кое-как растолковал старому, за кого на самом деле сватают.

Тот и вытаращил глаза:

– Югагиры, это что за народ такой? Чьей он породы? Французской? Или гешпанской?

– Сибирской! – едва докричался граф. – На реке Индигирке живет. А жених из рода чувонского.

Князь как услышал про Сибирь, так чуть ли не на колени упал.

– Помилуй, Яков Вилимович! Да за какие же провинности? И по чьей воле? Ужели за то, что теперешнюю императрицу невзлюбил? Спроси-ка, батюшка, а кто ее любит? Ужели всех в Сибирь погонишь?

Княгиня его и вовсе в слезы да к иконам.

Пришлось уезжать не солоно хлебавши и даже не поглядев на невесту. Но про нее говорили, будто она тоже зубами мается, как в Петербург привезли, и один передний вроде бы уже выпал...

По той же причине не получилось высватать дочку у князей Волоцких, сироту-племянницу у Звенигородских-Шистовых и сестру князя Заславского – только время зря потратили, а сколько красноречия выметали впустую! Ко всему прочему, Тренка торопил, ругался, дескать, бестолочи вы, а не сваты, мол, быть такого не может, чтоб девицы замуж не захотели за самого князя Оскола и родители их не пожелали породниться с родом Распуты.

Как темному югагиру объяснить, что петербургская знать даже слышать не желает про князька ясачного дикого племени, а тем паче дочерей в жены варвару отдавать.

Ивашка же особенно не кручинился и не сожалел о неудачах; он отчего-то уверен был, что в конце концов сему князьку какую-нибудь худородную, да высватают, и жил в предвкушении будущего путешествия на Индигирку. Улучив минуту, он заскочил к Прончищевым и по-дружески все тайны им доверил. А Василий в тот же час загорелся, засиял:

– Возьми меня с собой!

– И меня возьми! – Это его жена, Мария.

Но потом образумились, поняли, что сие невозможно, ибо Головин-то государеву волю исполняет, а не свою собственную. А посему стали ему советовать, каким путем идти на Индигирку – морским, разумеется: у Василия уже все лощманские чертежи были вычерчены и маршруты проложены, румбы посчитаны, кое-где даже глубины проставлены и роза ветров обозначена. Правда, все это на глазок, со слов поморских мореходов, купцов и прочих бывалых людей. В иных местах даже береговая линия не намечена, иные острова пунктиром – то ли земля, то ли льды, но и с такой картой можно ходить.

И впервые за последние месяцы Ивашке позавидовали, что еще больше его вдохновило.

– Иди первым! – сказал ему Василий, вручая чертежи. – Как вернешься – расскажешь, а я уж за тобой пойду. И вот тебе еще книжица незаписанная. Дневник веди, ходы морские и речные вычерчивай.

И осталось-то всего – девицу какую высватать сему ясачному варвару!

Из ближних семей в столбце числились еще Друцкие, которые при Петре Алексеевиче в чести были и при дворе состояли, а ныне пролетела молва, не привечает их Екатерина, чем Брюс и вздумал воспользоваться. Ко всему прочему, Ивашка видел на балах трех княжон из этого рода, правда, старшую уже выдали, а две помладше были хоть и хороши собой, да воспитаны по новым обычаям и даже немецкую речь изучали. Граф сразу же предупредил князя, что сватовство это – дело тайное, не след, чтоб императрица прознала, и слово с него взял.

Сам Данила Друцкий принял сватов хорошо и по первости тоже решил, что Головина хотят женить, однако быстро сообразил, за кого дочь сватают, и не особенно-то подивился, ибо слышал откуда-то и про югагиров, и про Индигирку-реку. Только думал, живут там одни инородцы, на монгольцев похожие. Когда же узнал, что это вовсе не так, что сватовство заповедано самим Петром Алексеевичем, да и прежние цари тайно отдавали невест в далекую сибирскую землю, то в тот час заинтересовался.

– Скажи-ка мне, Яков Вилимович... – Данила сам крепкого вина сватам поднес. – А какими промыслами владеет сей князь югагирский?

– На Индигирке промысел один – пушной, – отвечивал граф, поскольку Ивашка был назначен Тренкой более невест смотреть. – Добывают югагиры соболя до семидесяти сороков в иной год, лисицу чернуюбурую и песца. Ясак заплатят, остальное меняют на всяческие при-

пасы, железо, ткани и прочая. Скажу тебе по секрету, у меня указ государев затаен, коим Петр Алексеевич освобождает югагиров от ясака и возводит их в разряд людей российских.

– Сие добро, – оценил князь. – А способно будет жениху Осколу скупать мягкую рухлядь со всей Индигирки-реки, а тако же с Яны и Колымы и мне переправлять в Петербург?

– Князю все югагиры повинуются, – уверенно заявил Брюс, хотя уверен в том не был, – как лесные, так и тундровые. А коли станет твоим зятем, то сам пойдет в твое повиновение.

– Добро-добро, – и вовсе вдохновился Друцкий. – Раз у нас с тобой случился сей тайный разговор, ответь-ка мне, Яков Вилимович, знает ли князь югагирский про золотые россыпи, что есть на Индигирке, тако же на Лене, Яне и Колыме? Говорил ли что его посланник?

Насколько уж опытным и сведущим был граф, однако же и предполагать не мог, что о золоте уже и Друцкому известно. По дороге в Петербург Тренка поведал, что с давних, незапамятных времен, еще задолго до царя Ивана, югагиры добывали этот желтый металл и носили его в верховья Индигирки, где раз в год, в день весеннего равноденствия, собиралась ярмарка, куда сходились и съезжались многие ближние и дальние народы. Об этом Брюс решил никому не рассказывать и Тренке строго велел молчать, ибо опасался, что Головин, прознав о золоте, по молодости вздумает задержаться на Индигирке, попытаться счастья и забыть, зачем туда послан. Братья Демидовы на Уральском камне уже показали лихую дорожку, как можно скоро из грязи да в князи...

Сам же граф был не жаден до золота, и всю жизнь стремился к иному богатству, будучи охочим до знаний.

– И слышу от тебя впервые! – невинно воскликнул Брюс, но Ивашка в тот же миг уловил его хитрость и виду не подал.

– Должно, солгали мне, – на сей раз схитрил князь Данила – слишком легко произнес эти слова, хотя сам жадным был, судя по глазам.

Капитан головой закрутил, глядя то на одного, то на другого, ибо о золоте на Индигирке доселе не слыхал. А они еще раз обменялись хитростями, как любезностями:

– Если бы золото было, князев человек непременно бы похвастался, – добавил граф. – А то бы и для показу прислал, чтоб богатствами похвастать.

– Может, не доверился посланнику?

– Как не доверился бы, коль он дядя князю родной?

– Знать, Демидовы нарочно слухи разносят, – отмахнулся Друцкий. – Дабы панику посеять и волнение.

– Так же полагаю, князь.

– Ручаешься ли ты, Яков Вилимович, за сего жениха югагирского?

– Государь за него поручился, – скорбно произнес тот. – На смертном одре...

Князь тотчас колокольчиком позвонил и велел выводить дочерей.

– Выбирайте, которую?

Входят они, и старшая сразу к отцу с укорами и весьма грубыми, хотя по-новому к нему обращается:

– Что вы, папенька, не с ума ли сошли, нас в Сибирь отправляете? На погибель, в руки дикого варвара отдаете?

Младшая же в слезы и ревет так, что и слова вымолвить не в силах.

– Откуда вам известно, за кого сватают?

– Мы подслушивали за дверью! – с вызовом призналась старшая. – Нигде в Европе замуж насильно не выдают! А вы нас и за инородца готовы отдать!

– Такова моя воля! – строго сказал Данила. – Какую изберут сваты, та и поедет!

– Да лучше руки на себя наложу! – отрезала дочь. – Утоплюсь на Неве-реке, чем пойду за сего татарина!

– Я... в монастырь... уйду! – рыдая, выдавила младшая.

Князю, должно, неловко стало перед сватами.

– Это они по обычаю ревут и противятся, – оправдался. – Не обращайтесь внимания.

Ивашка сразу же глаз положил на младшую – мила, кротка и хороша, к такой можно и самому посвататься. Только зареванная, с носом алым, да ведь высохнут слезы девичьи...

Смотрит на княжну, вроде бы оценивает, коли Тренка поручил его глазами быть, а она очи свои красные, заплаканные потупила, однако нет-нет, да и вскинет их на капитана. И тем самым будто говорит: «Спаси меня!»

– Не станем жить по вашим старым нравам! – между тем заявила старшая. – Замуж пойдем за того, за кого захотим!

– Не смей мне перечить! – прикрикнул Друцкий. – Эко избаловались на ассамблеях!

Капитан же еще поиграл с младшей в переглядки, и стало ему жаль несчастную княжну.

– Ну, пусть идут себе, – сказал. – А мы совет будем держать.

Невесты поспешно удалились, Ивашка встал и говорит:

– Пошли, Яков Вилимович. Нам тут делать нечего.

– Как так? – подскочил Друцкий.

– Ни одна не подходит нашему жениху.

– Как не подходит? – Князь испугался и возмущился одновременно. – Чем же мои дочери не вышли?

А Брюс к Ивашке оборотился, глянул пытливо и на правах старшего отвечает Даниле:

– Коли Иван Арсентьевич сказал, знать сие верно.

– Кто ему такую честь оказал – судить, подходит ли, нет ли?

– У него глаз на невест вострый. – Брюсу хотелось поскорее уйти из дома Друцкого. –

Не обессудь уж, князь. Мы сие дело делаем по заповеди государя, ныне покойного. Гляди не проболтайся, что сватать приходили! Сие есть тайна государева. Я ведь люто спрошу, ежели хоть словом обмолвишься.

Едва они сели в Брюсову карету, как капитан спросил:

– Почему ты, Яков Вилимович, не сказал про золото?

– Про какое золото? – попробовал увернуться граф.

– Что на Индигирке и прочих тех реках есть. Данила Друцкий зря говорить не станет.

Алчный он и от этого готов дочь отдать невесть кому. Знать, не брешет. Говори сразу, а то я, когда пойду на Индигирку, все сам выведаю.

– У тебя и впрямь глаз вострый, – с сожалением похвалил Брюс. – Не зря Петр Алексеевич на тебя указал... Тренка говорил, добывают они разь – так золото у них называется. Но цены ему не знают и меняют пуд золота на пуд чая, либо на три пуда риса, либо на пять фунтов рисовой бумаги. Обманывают их китайцы...

– На что югагирам бумага?

– А вот и узнаешь, на что. Ты, Иван Арсентьевич, на золото не зарься и лучше о нем забудь.

– Как же забыть? Я корабль мыслю свой построить, а повезет, так и женюсь. Посажу молодую жену и оттолкнушь от берега...

– Исполнишь государево дело – будет у тебя свой корабль.

Головин в такое обещание не поверил, ибо подозревал, что Брюс непременно схитрит и увернется от своего слова. Он что-то все время утаивал: запрутся с Тренкой в палатах и о чем-то гутарят полупешотом – бу-бу-бу. А то и в его присутствии знаки какие-то друг другу подают, чего-то всегда недоговаривают. Ивашка все это видел и слышал, но куда молчал, и сейчас, будучи себе на уме, виду не подал, однако неожиданную весть о золоте югагиров на ус себе намотал.

В очередной раз вернулись они во дворец графа ни с чем, однако Тренка, поджидавший их, одобрил поведение сватов и сказал так, словно рядом был и все слышал:

– Не годны Друцкие, гнилой корень. В Москву поезжайте, где княжеских домов поболее. Нагадал я – там найдете невесту.

Граф с Ивашкой лишь переглянулись, но что делать, раз нагадал, спрашивать не стали, а югагир говорит:

– Смело поезжайте! Ты, боярин, – это уже к Ивашке, – зорче зри, не прогляди невесту. А мне дайте-ка поводыря, я в Вологду пойду и там с товарищами своими поджидать вас стану, на третьей седмице Великого поста.

– Твои товарищи-то в Архангельске! – напомнил Брюс. – Мы же уговорились оттуда в путь пускаться.

– Иную я дорогу нагадал, – вдруг заявил Тренка. – На этой нам хлопотно будет с оленьими людьми. Подговорит их гулящая женка супротив нас исполчиться и по всей дороге караулить. Везти невесту по пути кровавому – примета недобрая. Из Вологды отправимся, а товарищи уже знают про мои догадки и нынче пешими из Архангельска вышли. Ты, немец, своих людей с товаром туда же пошли, пускай у Прилуцкого монастыря встанут и ждут.

Не должен был югагир знать ни про людей, что пойдут сопровождать невесту, ни тем паче про товар, закупленный Брюсом в Петербурге! Тут возразить ему было уж нечем, а посему граф сделал распоряжения своим людям, чтоб снаряжали обоз в Вологду, и сам изготовился в дорогу, да поздно вечером был срочно призван Екатериной.

Пока был жив Петр Алексеевич, Марта Скавронская цвела при нем, несмотря на годы, порхала по дворцу, флиртовала с придворными, навлекая на них гнев государя, а тут, по недоразумению взявши бремя власти, стала быстро превращаться в брюзжащую, да еще пьющую старуху, и сил у нее оставалось лишь изображать императрицу да принимать по ночам любовников.

– Брюс, голубчик, – она говорила с сильным акцентом, – отчего вы пренебрегаете нашим обществом? Где вы все время пропадаете?

– В Артиллерийском приказе, ваше величество, – отвечивал генерал-фельдцейхмейстер.

Она с покойным государем не раз присутствовала на парадах и даже наблюдала в подзорную трубу за сражениями, однако вряд ли знала тонкости военного, в том числе пушечного, дела, а посему Яков Вилимович прикрывался службой.

– Чего бы нам выпить? – сама себя спросила Марта, явно испытывая вечернее похмелье. – Граф, хотите вина?

Отказывать ей было немислимо, а стол во дворце у нее все время накрывали со щедрой выпивкой и закуской. Императрица сделала несколько жадных глотков из бокала с водкой и принялась есть виноград прямо с кисти.

– И в каком же состоянии наша артиллерия? – поинтересовалась она между прочим. – Расскажите мне, голубчик, что-либо прелюбопытное!

Все однообразные дворцовые утехы ей надоели, и Марта явно скучала. Иногда после долгой пьянки и грубого ночного разврата ей хотелось изысканной и умной светской беседы, а для этого у Брюса было слов заготовлено изрядно.

– Артиллерия наша в состоянии превосходном, – начал он отговорку. – Да есть один вопрос, весьма деликатный, относится к аспекту духовному и потому требует вашего высочайшего участия.

Марта в тот же час откликнулась на интригу:

– Весьма интересно! Как вам удастся связывать артиллерию с делами духовными?

Граф ощутил себя пиитом.

– Во время шведской кампании государь Петр Алексеевич – царство ему небесное – велел собрать со звонниц колокола и перелить их в пушки. И так были выделаны сотни превосходных орудий, коими и одержали победу над супостатом. Сей факт достоин пера Гомера, дабы воспеть

жертвенность и любовь к Отечеству ныне покойного императора. Мои артиллеристы замечали, как от огня сих пушек даже зарядами холостыми шведы обращались в панику и бежали с поля боя, ибо при выстреле раздавался не только грохот, но и колокольный звон, могучий набат, повергавший супротивника в страх.

Екатерина уже была зачарована, и сквозь белую пудру, как сквозь туман, вдруг высветился живой и молодой румянец – она обожала все мистическое. Брюс же, еще глубже вовлекая ее, сделал паузу и продолжил:

– Ныне же, когда медные и чугунные заводы Демидовых добывают руду и лют новые пушки, иные поврежденные же по просьбе Синода возвратили церкви. Из них вновь отлили колокола, кои были подняты на звонницы. Но что происходит, ваше величество? Медь, бывшая пушками и привыкшая стрелять, продолжает грохотать на колокольнях. Она гудит, подобно канонаде, и нет того прежнего, бархатного, благолепного звону. Суть сего – таинственное перевоплощение металла, неведомое науке. То есть неживая материя имеет память. И теперь требуется ваше повеление – не отливать колоколов из сих пушек, а сохранить в прежнем военном виде. А ходатайство Синода удовлетворить за счет казенной меди с литейных заводов.

На самом же деле генерал-фельдцейхмейстер таким образом пытался спасти от переплавки не только значительную часть орудий; сразу же после смерти государя Священный Синод затребовал вернуть все пушки из колокольной меди либо возместить ущерб медью, а также серебром и золотом, которые содержались в колоколах. А это десятки пудов!

Очарованная и даже потрясенная императрица вдруг так расчувствовалась, что вынула из ларца орден святого Александра Невского и нацепила на грудь Брюса дрожащими от волнения пальцами.

– За службу Отечеству и престолу и во славу российской артиллерии! – провозгласила торжественно и подняла бокал.

Принимать награду, тем паче незаслуженную, из ее рук, которые он помнил, когда она подавала на стол у Шереметева, а потом стирала белье у Меншикова и звалась Мартой, было нелепо и постыдно, однако отказаться от ордена – навлечь на себя подозрения и много лишних вопросов. Пока Екатерина витала в своих мыслях о загадках металла, Брюс был уверен, что в ближайшие две недели, поглощенная ими, она ни о чем ином думать не будет, а значит, о нем и не вспомнит. Придворные, с кем Марта Скавронская станет обсуждать научное изъяснение, непременно будут делать изумленный вид, тарашить глаза и поддакивать. А однажды на вечерней службе ей почудится, что колокола на звоннице и впрямь бьют, словно орудия. Она спросит, отчего это, и ей в тот час подтвердят – из пушек колокола сделаны, мол-де, и в воздухе от них витает смрад пороховой. И вот тогда появится соответствующий указ...

Дорога в Москву напомнила графу юные годы, и было ему от того грустно, ибо ощутил он, как подкатывается и звенит, ровно колокольчик под дугой, неотвратимая старость. Бывший стольный град белокаменный хоть и был еще величественным и притягательным, однако же и здесь лежала печать подступающей старости, тогда как Петербург напоминал еще угловатого, нескладного, но радующегося жизни и шаловливого отрока. Брюс приехал, не выказываясь, кто и зачем, поэтому на заставе не объявился, дабы не привлекать к себе внимания начальства. Граф все роды московских князей наизусть знал, а также дома, где невесты есть, но поди еще, угадай, где сватов ждут от чувонского ясачного князька.

И тогда они разделились: Брюс поехал по своим давним друзьям, с которыми долго не видался, мысля заодно выпытать, в чьих домах сватов ждут не дождутся, где девицы на выданье есть, но засиделись по разным причинам, а Головин отправился на ассамблею, которую устраивали в бывших царских палатах Московского Кремля, полагая там кого-нибудь приглядеть. Возвратились они оба ни с чем, ибо боярская Москва и слышать не желала про некоего дикого сибирского варвара, да еще с чудным прозвищем – Распута. Не то что невест давать –

пойти свататься, так на смех поднимут. А молва, она в мгновение ока разлетается – все двери перед сватами затворят.

Однако на ассамблее Ивашка шепоток услышал, пересуд неких двух особ, кои упоминали князя Тюфякина и дочку его, Варвару, вроде не совсем здравого ума девицу, которую из-за строгих раскольничьих нравов взаперти держат и даже на праздники со двора не выпускают. Де-мол, блаженная сия княжна, и князь бы давно ее в монастырь отдал, но староверческих обителей поблизости не осталось – все уже никонианские.

Услыхал это Головин и говорит:

– Поедем, Яков Вилимович, попытаем счастья у Тюфякиных. Авось блаженную-то отдадут. Князю же югагирскому все одно, какую уж привезем, такую и возьмет. Сам-то ведь, должно, не больно умен и сознанием детск.

– Раз тебе Тренка поручил глядеть – гляди, – ревностно предупредил граф. – Назад ведь не вернешь, ежели по нраву не придется.

Василий Романович Тюфякин вел корень свой от Оболенских и взглядов был старых, боярских, веры раскольничьей, а посему за новой долей в Петербург не поехал, жил в Москве наособицу, носил могучую бороду, и если по молодости ругал государя Петра Алексеевича и новые нравы, то ныне лишь сердито сопел и молчал. В юности они знакомы были с Брюсом, однако Тюфякин не признал его и вначале велел в дом не впускать, мол, бритых здесь не принимают. Пришлось назваться полным именем и спутника своего назвать, о котором Василий Романович наслышан был. И все одно, встретил гостей настороженно, не в палатах, а в сенях, и даже на лавку сесть не предложил. Неведомо, как уж там нагадал Тренка тут невесту искать, а всякая надежда в тот час и угасла от такого приема.

– По какому делу? – спросил хмуро Тюфякин, однако же принарядившись в дорогой боярский кафтан.

Сразу же завести речь о сватовстве у графа язык не повернулся, но здесь капитан вдруг воспрял, поклонился в пояс, как подобает, шапкой по полу махнул.

– Изволь выслушать нас, князь Василий. С добром пришли к тебе и делом важным. Есть у тебя красный товар, а у нас – купец-молодец...

– За срамного троеперстника не отдам! – и речи закончить не позволил Тюфякин. – Ступайте себе с миром.

– Наш жених древлему благочестию привержен, – нашелся Ивашка, впервые ощутив сватовской задор. – И крепко стоит на том, ибо живет в далекой индигирской землице, на Индигирке-реке.

Василий Романович вдруг пал на лавку, словно подрубленный.

– В руку! Ей-бо!.. А как ему имя?

– Оскол он именем, из рода ветхих князей Распут.

Князь согнулся так, что бородой пола достал, а сам живот поджал, словно внезапная хворь его скрутила.

– Спаси и помилуй, Господи, Иисусе Христе... Знак твой!

И вроде бы сам блаженный сделался, ибо застыл в оцепенении и только глазами туда-сюда водит.

Поднялся он с трудом, не взглянув на гостей, убрел куда-то в глубь хором своих и там канул, считай, на час. Брюс с Головиным все это время так и стояли в сенях, с ноги на ногу переминаясь, словно кони притомленные: по прежним обычаям в чужом доме без позволения не садятся и без него же не уходят восвояси. Наконец является Василий Романович – какой-то благостный, просветленный, ладаном и лампадным маслом от него пахнет, в руках же крест держит серебряного литья.

– Клянись, – говорит, – и крест целуйте в подтверждение слов своих.

Генерал-фельдцейхмейстер с капитаном ко кресту приложились.

– Истинно глаголем!

Лишь тогда Тюфякин их в палаты свои ввел, на лавку под стеной посадил.

– На прощенное воскресенье мне сон был, – с неким душевным трепетом признался он. – В Москве потоп вселенский, грязные волны у красного крыльца плещутся, и все на погибель обречены, стонут и плачут – и кто царю-антихристу служит, и кто отверг его посулы, в бесчестии прозябает, но древнее благочестие блюдет. Я на колена пал, взмолился, а вода сквозь двери льет, сор всяческий вносит и меня подмывает. Минута до смерти осталась, не более, и тут гляжу, красная ладья к моему крыльцу чалится, а в ней – Матушка-Богородица. И меня эдак рукою манит!.. Голос же слышу ласковый, любовный: «Род твой спасется, коли посадишь дочь свою, разлюбезную и кроткую девицу Варварушку, в ладью сию и в земли дальние и холодные отошлешь, кои прозываются – Беловодье. А ждет ее там князь рода благородного и древлего благочестия держится истово». Тут я и пробудился, весь в поту, а надо мною Варварушка склонилась и вопрошает: «Отчего, тятенька, ты кричал? Не болесть ли пристала?» Я же ей и слова молвить боюсь, так жаль ее стало. Шесть дней ходил сам не свой и токмо о сне том думал, и на седьмой не сдержался, поведал Варваре, отчего нет мне покою. Она же рассудила, дескать, след вести ждать. Коли Пресвятая Богородица подаст знак, знать сон сей в руку, а нет, так пустой. Тут и вы являетесь, сваты, и называете сего князя благородного...

Не только Ивашка, но и граф слушал его в некоем ошеломлении – вот как нагадал Тренка, где невесту взять! Ужели и впрямь у него такая сила магнетическая, что за полтысячи верст сон на Тюфякина вещей наслал? Ужель в самом деле сей югагир мыслью своей способен в чужие сны проникать и склонять к действию, ему потребному?..

Подумать, и то жутко становится...

Василий же Романович продолжал:

– Ныне в сибирскую сторону многие бегут, кто веры своей не извратил поганым искусом бесовским. И подумал я: знать, там и есть наша земля обетованная, прозываемая Беловодье. Соберемся там, стечемся, как речки в море, а затем и выйдем, явив святой Руси веру истинную. К сему и призывала во сне Матушка-Богородица – род спасти через дочь мою, Варвару. А что вы, слуги царя-антихриста, сватать ее приехали, тоже промысел Божеский. Господь вашими руками водит и благолепные дела свои творит. Вам же сие невдомек, вам же чудится, умом горделивым тщитесь вы тайные свои замыслы воплотить.

После такой его речи граф призадумался, вспомнив опасения Петра Алексеевича: а что, если в глухих и далеких сибирских землях и впрямь заговор готовится, престолу угрожающий? Недовольные реформами государя именитые князья и бояре, гонимые раскольники-староверы, давно уже перетекают из городов не только на Кержач-реку, в Бессарабию и Донские степи, но и за Уральский камень, и где там оседают, в каких потаенных скитах – никому не известно...

Несведущий же Ивашка выслушал Тюфякина, но не внял и заспешил на невесту взглянуть:

– Показывай товар-то красный, Василий Романович!

Тот снова удалился, и вскоре входит в палаты княгиня – старуха с волосатыми бородавками – и выводит Варвару. Капитан как увидел ее, так подскочил и сесть не может: у девы лик, словно на иконах богородичных, в очах, как и подобает невесте, поволока печали, но сквозь нее светятся любопытство и затаенная радость – должно быть, родитель и впрямь в запертой клетке держал сию жар-птицу и людям не показывал, голоса ее слушать не давал.

У Ивашки горло перехватило: вот куда следовало сватов засылать! А он сам сватом пришел, радеть за некоего князька югагирского!

Брюс усталился на Головина, ждет от него слова, а капитан красный стоит, и сивый парик на голове отчего-то шевелится. И мысль у него шальная, предательская на уме вертится – забраковать сей товар и в Москве оставить!..

– Говори, Иван Арсентьевич, – подвиг его граф. – Какова на твой глаз?

Только тут Ивашка спохватился, что условие есть, слово дадено, и все-таки вывернуться вздумал.

– Тебе-то как, Яков Вилимович?

– Что тут сказать? Добра невеста, давно красы такой не зрел. И характером, вижу, покорная родительской воле. Истинно агнец Божий!

Надо покрывало набрасывать и невестой объявлять, а у Ивашки рука не поднимается.

– Не подойдет она чувонскому князю, – сказал он, лихорадочно придумывая отговорку.

– Отчего же?! – чуть ли не в голос воскликнули Брюс и Василий Романович.

А на лице бородавчатой старухи, родительницы невесты, вызрели недоумение и угроза – де-мол, только попробуйте охаить дочку!

И все уставились на капитана.

Только Варвара очи потупила и ждет решения судьбы своей...

– Наш жених Оскол жизнь ведет суровую и грубую, – вымолвил Головин. – Поелику обитает в студеных краях, в лесах и горах. Спит на шкурах, ест пищу, на костре приготовленную. Сами чувонцы – ясачные люди, и округ них живут ясачные дикие народы. А дочь твоя, князь, нежна, прекрасна, взлелеяна в сих палатах московских, любовью и заботой окружена. Подумай, князь Василий, каково будет ей на реке Индигирке.

– Я с Варварушкой служанку пошлю! – нашелся Тюфякин. – Самую добрую и верную. Пелагея она именем.

– И то правда! – спохватилась родительница. – Куда же мы дочь родную отдаем, Василий Романович? На какие муки?!

Сватовство явно расстраивалось, причем по вине капитана, и возмущенный граф был готов наброситься на него, но тут князь оборвал причет своей жены:

– Во всем промысел Божий. И не смей перечить! В горах и лесах и есть рай земной, именуемый Беловодье!

Бородавчатая княгиня зажала уста рукою, но в глазах еще тлело недовольство. Тут бы Варварушке в слезы, в рев, и хотя бы по обычаю умолять родителей, мол, не хочу в чужую сторону да за неведомого жениха, дескать, куда же вы меня, горемычную, отправляете, или вовсе не любите, коли из дому родного гоните? И так далее, как обыкновенно все девицы делали, когда их сватали.

А она потупилась и молчит – должно, и вправду блаженная, кроткая и воле родителей покорная.

Либо вовсе немая...

– Надобно саму невесту спросить, – заявил Головин, выдавая свою последнюю надежду. – Согласна ли она пойти за сего Оскола Распуту, князька варварского племени. По нашему обычаю, да и по чувонскому тож, спрашивать полагается.

Сказал так и узрел ненависть в глазах генерал-фельдцейхмейстера, и такую, что прежнюю можно было бы и не заметить. Однако же капитан взглянул на Варвару и спросил:

– Ответствуй нам, девица красная, согласна ли пойти за Оскола?

– Ужели сей князь и впрямь спит на шкурах? – Голос у нее оказался низким, певучим и весьма приятным, слух чарующим. – И вкушает пищу с огня?

– А еще он ездит на оленях верхом, – добавил сомнений Ивашка. – И одевается в шкуры, поелику югагиры не знают тканей. Из посуды у них лишь медные котлы и ложки деревянные. Но чаще они с ножа едят сырое мясо, ибо права дикого...

– Как занятно, – вымолвила Варвара, скрывая восхищение. – Вкушать с ножа, должно быть, любопытно...

И этого было довольно, чтоб сердце капитана оборвалось: в сей кроткой девице таились озорство и страсть к приключениям.

– Так согласна или нет? – терял терпение Василий Романович.

– Батюшка, ты столько твердил о Беловодье, что мне с ранних лет туда хочется! – почти счастливо проговорила она. – И я с радостью великой повинуюсь воле твоей и промыслу Божьему.

Князь в тот же час ей икону на целование поднес. Делать тут уж было нечего, Ивашка вынул из-за пазухи индийское полотно.

– Тогда по чувонскому обычаю, – сказал он, отвернувшись, – покрою ее сим покровом. Чтob более никто не зрел ее образа...

Развернул шуршащую белую ткань, слежавшуюся за долгие годы, и набросил на голову чужой невесты.

Брюс при этом так откровенно и облегченно вздохнул, что все к нему оборотились.

– Дело сделано! – заключил он. – Неси, Иван Арсентьевич, дары жениха!

Поручкались они с Тюфякиным, Ивашка в карету сходил и принес кипу² с чернобурками, взятыми из казны, да вручил князю с подобающими словами, но в сторону глядя, словно воровское дело творил.

Василий Романович хоть и был вида монашеского да о вере все толковал, мягкую рухлядь, однако же, принял с интересом, тут же тугую кипу развязал и словно нечто живое на волю выпустил: сжатый мех распрямился, зашевелился, вспух серебристой чернью. А князь стал шкурки осматривать, трясти их да в руках мять – искры по палатам брызнули! Сразу видно, в руках у него бывали уже лисицы да прочие меха и цену им он знает.

– Добро. И я в долгу не останусь. Под приданое подводу готовьте.

– Надобно тебе прошение императрице написать, – уже для порядка посоветовал Брюс. – Чтob все по правилу было.

Василий Романович напыжился и сделался горделивым и независимым – играла еще в московских боярах вольная кровь!

– Мы сию бабу гулящую не жалуем! И всякое дело творим по своему хотенью да Господнему повелению!

Брюс только того и ждал: за выдачу замуж княжны без высочайшего соизволения ответ держал родитель, а не сваты. Назначили они день, когда невесте готовой в дорогу быть, и поехали на постоялый двор.

– Не знаю, что и думать, Иван Арсентьевич, – говорит граф. – По охоте ли своей или по недоразумению, но ты чуть только сватовство не расстроил. Почто ты про согласие спросил?

– По обычаю полагается, – хмуро проронил капитан.

– А почто про дикие нравы сказал? На шкурах спит, сырое мясо ест...

– Так ведь оно у чувонцев и заведено. Мясо и рыбу сырыми строгают да едят. Зачем же девицу обманывать?

– Откуда ты знаешь?

– Мой прадед, Петр Петрович, был ленским воеводой, так много чего порассказывал...

Брюс несколько успокоился и подобрел, но спросил испытующе:

– На самом-то деле как невеста тебе? Хороша?

Ивашка отвернулся.

– По варвару и Варвара...

Графа это взвеселило, а то раньше капитан думал, он и смеяться не умеет.

– По варвару – Варвара?.. Сие каламбур называется! По варвару Варвара!.. И скоро высватали! Думал, за неделю не управимся, князь станет всякие условия ставить да расспрашивать. А ему сон приснился!..

Капитан же молчал и пуще хмурился.

² Кипа – большой мешок.

На постоялом дворе Брюс, не выказывая себя, снял скромный особнячок, чтоб любопытствующих было поменее, велел на стол подать, чтоб сделанное дело отпраздновать. Но Ивашка есть не стал, лишь крепкого вина выпил, шпагу отстегнул, парик сбросил, накинул на плечи дорожный тулупчик и отлучился на конюшню, мол, распоряжение дать, чтоб на зерно лошадям не скупилась. Там же поглядел на коней, с конюхами поговорил и чувствует: не хочется назад возвращаться. Как-то само собой покинул двор и побрел по Москве, куда глаза глядят. Идет, кутается в тулупчик – по ночам морозы еще крепкие, – а у самого мысли невеселые.

Бывший стольный град купеческим стал, кругом торгуют, кормят и поят в кабаках, трактирах и харчевнях. И еще здесь, как и в Петербурге, таверны появились – заведения новые, да с обычаями старыми: везде щи да пироги подают и запивают пивом, бражкой и вином. И если со стороны-то взглянуть, то в Москве будто праздник великий, а не строгий пасхальный пост, везде пьют, песни горланят, а то и стенка на стенку ходят по хмельному делу.

Не хотел капитан пускаться в загул, но стоит перед глазами Варвара и не сморгнуть сего видения. И тогда попробовал смыть его: в харчевне чаркой горилки малоросской, в кабаке хмельным медом, а в таверне – ромом гешпанским. Сей ром вроде бы пригасил навязчивый зрак, почти уж растворился образ девы в табачном дыму, тут еще гулящая девка взглядом одарила, потом и вовсе под села под бочок и говорит:

– Поедем со мной, молодец?

Он девку сгреб в охапку, вынес на улицу, но тут хватил свежего московского воздуха, слегка вроде бы протрезвел, отпустил гулящую, дал ей полтину и пошел к себе на постоялый. А час поздний, пустынно кругом, и только стража в колотушки стучит, собаки лают, да изредка пролетают мимо извозчицы крытые саночки. Одиноко ему стало, и мысли потекли вовсе горькие, как морская вода. Впервые, считай, встретил девицу, которая сразу же за сердце его схватила, затмила всех иных, на коих виды были, но кои сердца не касались; тут же и разум словно горячим туманом обволокло.

И надо же такому случиться: сам ее высватал за какого-то варвара ясачного, да еще своими руками покров набросил! А ведь противился, как мог, уворачивался и Варвару пытался разубедить, но ее словно какая-то неведомая сила толкала на согласие!

Должно, этот Тренка заколдовал, зачаровал девицу, мороку на нее напустил, коль стала ей жизнь дикого жениха прелестна и любопытна. Теперь хоть слезы из глаз – назад ничего не возвернешь, но вместо плача Ивашка было песню запел, да не поется. Шел, шел понурим, и вдруг поднимает голову, а перед ним хоромы Тюфякиных! Как здесь очутился, и не помнит, должно, ноги сами привели. Ограда высокая, ворота тесовые глухие, крепкие, во дворе стражник в колотушку наяривает, и слышно, пес цепью побрякивает.

И тут овладела капитаном шальная мысль: выкрасть Варвару, умчать ее в Петербург, а там будь что будет. Охваченный этим безрассудным озорством и влекомый им, он тяжелый тулупчик сбросил, сам вдоль забора по глубокому снегу пошел. У Тюфякина усадьба большая; вторые, хозяйственные, ворота на другую сторону выходят и не охраняются, по крайней мере, тихо за ними. Ивашка сиганул через изгородь и оказался возле конюшни: в растворенном каретном сарае боярские кованые санки стоят с поднятыми оглоблями, сбруя тут же висит, и лошади – вот они, за стенкой, сено жуют, а конюхи наверняка спят в тепляке.

Заложить коня – минутное дело, а ворота изнутри всего лишь на засове...

Прячась за сугробами, подобрался он к хоромам, огляделся – за каким окошком прячут деву-красу, никак не угадать. Глядит, а с тыльной части дома завозня³ в подклет, и хоть ворота дубовые, окованные, но под ними широкий порог – закладная доска, которую вынимают, когда въезжают на лошади с повозкой. Ивашка расшатал порог, сдвинул в сторону и вкатился под воротами. За ними же мрак хоть глаз коли. На ощупь побродил по крытому двору, нашел лест-

³ Завозня – пологий въезд.

ницу и, поднявшись по ней, обнаружил дверь. И только отворил ее, как в лицо толкнуло теплом и знакомыми запахами тюфякинского дома – воском и ладаном. Свечи давно уж погашены, и лишь голубые лампадки тлеют возле икон.

Капитан двинулся сначала в одну сторону, но оказался в передней палате с резными колоннами, где вчера днем принимал их князь. Свету от лампад здесь было поболее, однако путь был только на улицу – дубовая дверь, через которую вводили невесту, оказалась запертой...

Вернулся он в переход, пошел в другую сторону, уткнулся в широкую лестницу, и екнуло сердце: обыкновенно в таких домах девичьи покои были на втором этаже. Ивашка поднялся наверх, миновал пустые покои и неожиданно услышал шепот – тихий, девичий и манящий: кто-то молился за двустворчатой дверью с венецианским цветным стеклом, сквозь которое проливался и играл радугой искристый свет. Он прокрался в лоно этого свечения, прислушался и в тот же миг узнал низкий, певучий голос Варвары...

Дверь осторожно приоткрыл, бочком проник за нее и узрел невесту перед образами: высватанная за неведомого югагирского князька, она била поклоны, словно наказание принимала – старательно, широко и от души накладывала двоеперстием крест, опускалась на колени и истово стучалась челом об пол. А округлое ее тело под холстяной рубахой при этом двигалось с манящим изяществом, вызывая трепет свечей, стоящих по обе стороны, и жар сердечный.

Тут капитан на миг замешкался. Коли схватить да поволочь, испугается, завизжит, поднимет шум, а из чужих хором скоро-то не выберешься. Знать, надо сразу условиться, либо попросту уста ей зажать, понести и уже на ходу сговорить, придумать что, дабы молвы не подняла.

Она же, увлеченная, шепчет страстно молитвы, и слышно – дорожные, да кладет земные поклоны. Ивашка подкрался сзади, сгреб, так что ойкнуть не успела, и ровно дитя малое, уткнул лицом себе в грудь и бегом назад. А сам шепчет:

– Варвара, не сердись и молчи! Это обычай такой, непременно след выкрасть невесту! Не поднимай шума, не то проснутся холопы или батюшка твой...

Варвара рвется из рук, и на ощупь отчего-то жилистой, костлявой оказалась, да столько прыти и верткости, что капитан едва только и держит. По лестнице снес, да впопыхах свернул не туда и очутился в передних палатах. Развернулся, бросился назад, а навстречу истопник с охапкой дров. Сшиб его с ног, поленья загрохотали по полу, Ивашка лишь на мгновение руки ослабил, и тут невеста голову вывернула да как заблажит:

– Ратуйте! Ратуйте!

Голос у нее вроде знакомый, однако от страху аж звенит.

– Не кричи, Варвара, – зашептал Ивашка. – Лучше послушай меня. Расскажу, куда тебя просватали и за кого...

И здесь узрел, что в руках его вовсе и не княжна, а старая княгиня с лицом, перекошенным от испуга, – только черные бородавки запомнились да щербатый рот...

Наваждение!

А еще истопник опаматовался и заорал:

– Воры! Разбойники!.. Ах ты, тать ночной! Ты куда госпожу понес?!

И с поленом на Ивашку. Тот ношу свою выпустил, но княгиня не побежала – руки раскинула и мечется перед ним.

– Держите! Грабят!..

Капитан от полена увернулся, поднырнул ей под мышку да бегом. В азарте мимо нужной двери проскочил, попал в некий совсем темный тупик – куда ни метнется, везде стены бревенчатые, а уже шум по дому, свет мелькает. Он было назад, но путь отрезала стража с лампою, и при ее свете блеснуло что-то. И видит Ивашка, чуть ли не в лицо ему летит старая, широкая

алебарда. Едва увернувшись, он перехватил древко, сбил с ног стражника – и к окну. В два взмаха разнес переплет алебардой и прыгнул вниз – в спину осколки стекла еще сыпались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.